МАТЕР. ОБЪ УБІЙСТ. СИПЯГИНА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ7
М 349

2-й экз.

83
V
3010

К. Библиотека Института В. И. Ленина
ЦГ7 М349
412028

МАТЕРІАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ ПО ДѢЛУ ОБЪ УБІЙСТВѢ СИПЯГИНА.

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ".

Они этого хотѣли и они этого дождались...

Своими чудовищно жестокими беззастѣнчивыми мѣрами они заставили всѣхъ потерять вѣру въ возможность какой бы то ни было мирной работы.

Попираніемъ закона, издѣвательствомъ надъ честью и неприкосновенностью личности они внушили всѣмъ ужасъ и отвращеніе къ себѣ.

Печать они задушили въ тискахъ цензурныхъ циркуляровъ.

Университеты они превратили въ дворы для постоя солдатъ и полиціи.

Они убили земство и уничтожили судъ.

Они душатъ евреевъ, поляковъ, финляндцевъ и прочія народности.

Всю страну они наводнили шпіонами.

Всѣ тюрьмы они наполнили рабочими и молодежью.

Они опустошили столицы отъ интеллигенціи и разослали ее.

Весь народъ они раззорили непомѣрными налогами и, раззоривъ, окружили его высокой стѣной полицейской охраны, не пропуская никого на помощь въ деревню, въ это царство голодовокъ и смерти.

Повсюду свистятъ нагайки и сверкаютъ обнаженныя шашки.

Безоружныхъ рабочихъ разстрѣливаютъ на улицахъ.

Вся Россія отдана во власть казаковъ и городовыхъ, и превращена въ сплошное побоище.

Все это дѣлаютъ наши министры, наши генералъ-губернаторы и прочіе царскіе слуги.

И мы не предвидимъ, гдѣ конецъ этимъ жестокостямъ, этимъ звѣрствамъ.

Мы не знаемъ, какими ужасами еще наполнятъ страну наши правители, но мы знаемъ, что нѣтъ ужасовъ, нѣтъ звѣрствъ, которыхъ они съ легкимъ сердцемъ не сѣяли бы вокругъ себя.

Мы не видимъ силы, которая сдерживала бы своеволіе этихъ

2й оф.

кровожадныхъ и корыстныхъ временщиковъ, безконтрольно и безнаказанно распоряжающихся достояніемъ и жизнью 130 милліоновъ людей.

Все вокругъ безропотно несетъ это позорное иго, все трусливо прячетъ свое негодованіе, свое гражданское чувство, и этой рабской покорностью только усиливается гнетъ, увеличивается наглость нашихъ властителей.

Мы, соціалисты-революціонеры, признаемъ, что всякій, кто не препятствуетъ злодѣяніямъ, совершаемымъ правительствомъ, является не только попустителемъ, но и пособникомъ его.

Лишенные возможности какимъ бы то ни было мирнымъ способомъ противодѣйствовать этимъ злодѣяніямъ, мы, сознательное меньшинство, считаемъ не только своимъ правомъ, но и своей священной обязанностью — несмотря на все отвращеніе, внушаемое намъ такими способами борьбы — на насиліе отвѣчать насиліемъ, за проливаемую народную кровь платить кровью нашихъ угнетателей.

Мы слагаемъ отвѣтственность за всѣ ужасы этой борьбы на правительство, которое вынудило насъ вступить на этотъ путь.

Послѣ демонстраціи 4-го марта 1901 года Сипягинъ заявилъ, что онъ „кровью зальетъ Петербургъ при первой же попыткѣ къ новой демонстраціи“, а на протестъ литераторовъ противъ возмутительнаго побоища на Казанской площади онъ отвѣтилъ, что „отучитъ этихъ писателишекъ не только говорить, но и думать по своему“.

Въ странѣ, гдѣ при выраженіи мирнаго протеста министры намѣреваются залить кровью столицу, и имѣютъ полную возможность осуществить это на дѣлѣ, въ странѣ, гдѣ они ставятъ себѣ цѣлью принудить къ молчанію однихъ, въ тотъ моментъ, когда это имъ удается, неизбѣжно должны заговорить другіе, на языкѣ иномъ.

Свистъ пули — вотъ единственно возможный теперь разговоръ съ нашими министрами, пока они не научатся понимать общечеловѣческую рѣчь и прислушиваться къ голосу страны.

Намъ не зачѣмъ объяснять, почему казненъ Сипягинъ. Его преступленія слишкомъ всѣмъ извѣстны, его жизнь слишкомъ всѣми проклиналась, его смерть слишкомъ всѣми привѣтствуется.

Министры, запершись въ своихъ недоступныхъ кабинетахъ, окруживъ себя жандармской охраной, вершаютъ зло и неправду, разсчитывая на полную свою безнаказанность.

Отчаянно смѣлый и блестяще выполненный актъ революціонера Степана Валеріановича Балмашева докажетъ имъ, что люди, готовые жизнью своей жертвовать за благо народа, съумѣютъ достать враговъ этого народа, для свершенія надъ ними праваго суда.

Сипягинъ казненъ въ комитетѣ министровъ не случайно. Въ этомъ комитетѣ онъ совершалъ свои преступленія. Здѣсь вырабатывались и утверждались его невыразимо жестокія мѣры. От-

сюда сѣялось зло и несчастье на всю Россію. Здѣсь попирались ногами самыя ненарушимыя права человѣческія, здѣсь онъ старался умертвить живой духъ и живыя силы русскаго народа и здѣсь же онъ, какъ сраженный ударомъ грома, палъ къ ногамъ судьи-мстителя.

„По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ."

И пусть казнь этого врага народа напомнитъ всѣмъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбы Россіи, что и для ея безправныхъ и малодушныхъ сыновъ есть предѣлъ униженій и гнета, за которымъ даже самый робкій вѣрноподданный превращается въ самоотверженнаго борца и грознаго мстителя.

Этотъ моментъ для нашей родины наступаетъ теперь. Правительственный произволъ становится все болѣе и болѣе невыносимымъ и оскорбительнымъ. Всеобщее возмущеніе противъ него растетъ съ каждымъ днемъ...

Занимается заря великой борьбы, грозящей ужасами и бѣдствіями наполнить всю страну...

Предотвратить ее возможно только однимъ—предоставивъ народу возможность мирными и культурными способами сдерживать произволъ представителей власти.

Мы требуемъ немедленнаго прекращенія производства по всѣмъ дѣламъ политическаго характера и освобожденія всѣхъ политическихъ заключенныхъ.

Мы требуемъ немедленной отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ и правилъ, національныхъ и сословныхъ ограниченій и изъятій, свободы собраній, печати и слова.

Мы требуемъ созыва всенароднаго Земскаго Собора.

Боевая Организація
Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

С.-Петербургъ, 3-го Апрѣля 1902 г.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Ко всему рабочему народу русскому.

ОТЪ ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Вотъ уже болѣе 30 лѣтъ, какъ соціалисты-революціонеры ведутъ борьбу съ царемъ и его слугами, 20 лѣтъ тому назадъ удалось имъ убить нѣсколькихъ самыхъ важныхъ начальниковъ и

наконецъ даже самого царя. Потомъ надолго осилилъ ихъ царь со своими слугами. Притаились соціалисты, перестали открыто нападать, стали силу накоплять, дѣйствуя среди рабочаго народа. И вотъ наконецъ, опять не стало у нихъ терпѣнья, опять напали они на царское правительство открытой силой. 14 февраля 1901 года соціалистъ студентъ Карповичъ (который былъ самъ изъ простого народа), убилъ Мин. Нар. Пр. Боголѣпова за то, что стало правительство студентовъ за малѣйшія провинности безъ очереди въ солдаты отдавать. Потомъ неудачно стрѣлялъ соціалистъ въ главнаго начальника надъ всѣмъ духовенствомъ Побѣдоносцева, самого злого и безпощаднаго врага правды, свободы и рабочаго народа, потомъ въ Московскаго начальника полиціи Трепова за то, что онъ разгонялъ и избивалъ толпы народа, студентовъ и рабочихъ, которые ходили по Московскимъ улицамъ съ пѣснями и криками: „Долой царя! да здравствуетъ свобода!“

Наконецъ явился новый смѣлый борецъ за народную волю: 2 апрѣля 1902 г. въ Петербургѣ одинъ изъ соціалистовъ застрѣлилъ самого злого врага народа и его свободы Министра Внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Этотъ герой и храбрецъ сумѣлъ исполнить задуманное и отомстить за поруганныя попранныя права. Не защитили министра ни власть, ни деньги, ни безчисленная полиція столицы, ни огромныя тюрьмы, въ которыхъ томятся по его приказу борцы за народныя права, за народную волю. И всегда такъ будетъ, пока не переведутся на Руси люди, которые выше своей жизни ставятъ народное благо.

Чего же хотятъ соціалисты-революціонеры? Какъ осмѣливаются они поднимать руку на любимыхъ царскихъ слугъ и даже на самого царя? Мало уже осталось теперь среди рабочаго народа такихъ темныхъ людей, которые думаютъ, что это дворяне мстятъ за освобожденіе крестьянъ. Большинство рабочаго народа уже чуетъ и сознаетъ, что соціалисты не за богатыхъ, а за бѣдныхъ, не за дворянъ и купцовъ, а за весь рабочій народъ. Но еще большинство не ясно понимаетъ, чего же именно добиваются соціалисты, нападая на царя и на его слугъ.

Объ этомъ царь строжайше запретилъ писать въ книгахъ и въ газетахъ: знаетъ царь, что только надъ темнымъ народомъ можетъ онъ властвовать, что какъ только народъ просвѣтится и узнаетъ всю правду, то поднимется онъ на великую борьбу за народныя права, за народную волю, и придетъ тогда конецъ царскому самодержавію.

И вотъ мы, соціалисты-революціонеры, открываемъ народу эту правду. Напечатали мы этотъ листокъ въ тайной типографіи и распространяемъ между народомъ тайно отъ полиціи. Пусть каждый, прочтя, передаетъ его знакомымъ, въ надежныя руки, а тѣ опять передадутъ его дальше, и такъ пойдетъ правда гулять изъ города въ городъ, изъ села въ село, изъ губерніи въ губернію, освѣщая вѣковую темноту народную, зажигая, словно искрами, изстрадавшіяся души рабочихъ людей.

И загорится тогда скоро по всей Руси великій народный пожаръ, въ которомъ сгоритъ вся неправда, все зло и насиліе, и отдохнетъ тогда отъ своихъ страданій рабочій народъ и станетъ онъ навсегда свободенъ и счастливъ.

Соціалисты-революціонеры хотятъ того же, чего хочетъ весь рабочій народъ, и уже многія тысячи рабочихъ пристали къ соціалистамъ. Всякій рабочій въ Россіи ясно видитъ, въ чемъ зло и неправда. Вѣдь всѣ люди одинаковы, рабочій и крестьянинъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, и ему пить-ѣсть надо, надо и отдохнуть отъ работы и о душѣ подумать. почему же теперь такъ устроено, что у мужика всего лишь 5-10 десятинъ земли, а у помѣщика по 5 по 10 тысячъ десятинъ; а у царя такъ даже 7 мил. десятинъ? Почему сынъ купца или фабриканта еще съ рожденія безъ всякаго труда получаетъ все, что ему надо и чего не надо, а рабочіе люди послѣ долгаго каторжнаго труда имѣютъ подъ старость только усталыя руки да голодную семью? Почему одинъ человѣкъ можетъ властвовать надъ 130 милліонами людей, а тѣ, словно рабы, должны ему повиноваться, хоть творилъ бы онъ надъ народомъ страшныя насилія и жестокости. Неужели все это по правдѣ?

Нѣтъ, правда въ томъ, чтобы всѣ люди безъ исключенія жили и въ трудѣ и въ довольствѣ, чтобы не было ни богатыхъ дармоѣдовъ, ни голодающихъ рабочихъ, чтобы всѣ люди были свободны и равны во всѣхъ правахъ, чтобы жили они въ согласіи и взаимной помощи, какъ братья. А для того вся земля должна быть объявлена общенародной собственностью, должна отбираться у тѣхъ, кто не обрабатываетъ ее своими руками и раздаваться въ общее пользованіе всѣмъ трудящимся. Также и фабрики и заводы и всякія мастерскія тоже должны стать общей народной собственностью, и ими должны сообща пользоваться всѣ рабочіе. Вотъ за эту великую правду борются соціалисты-революціонеры, за нее, за своихъ братьевъ-рабочихъ идутъ они смѣло на смерть. И за эту правду царь ихъ вѣшаетъ и въ тюрьмахъ гноитъ.

Какъ же добиться этой великой правды, какъ дойти до справедливости и счастливой жизни, до свободы, равенства и братства?

Только самъ рабочій народъ можетъ совершить это великое дѣло. Всякій самъ своего счастья кузнецъ. Коли будетъ рабочій народъ только терпѣть, ждать да надѣяться, то вѣчно останется въ нищетѣ да неволѣ. На кого надѣяться? Что помѣщикъ самъ отдастъ свою землю, а фабрикантъ свою фабрику? Или что царь ихъ отберетъ и передастъ рабочему народу? Никогда еще ни въ одной странѣ ничего такого не было. А о русскихъ царяхъ знаемъ мы уже хорошо, какіе они „освободители.“ За 40 лѣтъ поняли мы вполнѣ, какую волю подарилъ русскому народу Александръ II „освободитель.“ Теперь уже всѣ знаютъ, что освободилъ онъ крестьянъ не изъ милости а изъ страха, какъ бы они сами не возстали, да не добыли себѣ полной воли; да кромѣ того царю выгодно было, чтобы вмѣсто помѣщика крестьяне работали на него самого. И, словно овецъ, стрижетъ онъ теперь крестьянъ, деретъ съ нихъ всякіе подати и налоги и съ земли, и съ водки, и со спичекъ, и съ сахара, и съ чая, и съ керосина и со всѣхъ заграничныхъ товаровъ и съ чего только не деретъ... Куда же идутъ эти потомъ и кровью добытыя народныя деньги? Прежде всего на самого царя съ чиновниками, на неслыханную, безумную роскошь ихъ жизни, потомъ на огромныя подачки дво-

рянамъ, купцамъ, фабрикантамъ, а больше всего тратится на солдатъ да на полицію, которыми защищаетъ дворянъ, купцовъ и, пуще всего, самого себя отъ рабочаго народа, да отъ защитниковъ его—соціалистовъ.

Живутъ подъ защитой царя всѣ дворяне, купцы, попы, чиновники, всѣ, кто питается народнымъ трудомъ, словно цыплята у насѣдки подъ крыломъ. И грѣетъ, и холитъ, и охраняетъ царь всѣми силами народныхъ грабителей. Кто посылаетъ солдатъ усмирять крестьянъ, когда лопнетъ у нихъ терпѣніе и откажутся они платить подати или запашутъ захваченную у нихъ помѣщиками всякими правдами и неправдами землю? Царь. Кто благодаритъ и хвалитъ солдатъ за то, что стрѣляли въ своихъ братьевъ рабочихъ, когда тѣ устроили противъ хозяина стачку? Царь. Нѣтъ такого зла и притѣсненія бѣднаго сильнымъ и богатымъ, котораго царь не поддерживаль бы всей своей силой. Царю надо, чтобы жилъ народъ не для себя, а для царя съ его слугами. Царская власть душитъ и давитъ всякую мысль, всякую вѣру, всякое слово, всякое свободное дѣйствіе. Царская власть стягиваетъ и скрѣпляетъ весь гнетъ богатыхъ и сильныхъ надъ рабочимъ народомъ, какъ желѣзный обручъ скрѣпляетъ бочку, какъ столбы держатъ заборы. Соціалисты хорошо это поняли и бьютъ въ самую вѣрную точку: сбей обручъ—бочка сама развалится; сруби столбы—заборы сами попадаютъ...

Соціалисты-революціонеры рѣшили во что бы то ни стало разрушить самодержавную царскую власть, добиться полной Народной Воли, полнаго народнаго самоуправленія черезъ выборныхъ отъ всей русской земли. Только черезъ этихъ народныхъ уполномоченныхъ, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ, добьется рабочій народъ полныхъ себѣ правъ и въ концѣ концовъ освободится отъ всѣхъ, кто кормится его трудомъ. Теперь слышитъ царь только голосъ богатыхъ и знатныхъ, а жалобъ и стоновъ голодающаго народа не слышитъ и не хочетъ слышать, а тогда, при всенародномъ самоуправленіи, будетъ сила на сторонѣ рабочаго народа, будетъ выборныхъ отъ него больше, чѣмъ отъ не рабочаго сословія, и разсудитъ это всероссійское выборное собраніе свободно по разуму и по совѣсти, какъ устроить всему народу свободную и счастливую жизнь. И будетъ тогда въ Россіи царствовать одна Народная Воля.

Не первые напали соціалисты на царя и его слугъ. Сначала думали они только мирно проповѣдывать рабочему люду свою вѣру. Но Александръ II безпощадно гноилъ ихъ въ тюрьмахъ за то, что они открывали народу правду, нарушали его темноту и покорность. Тогда напали соціалисты-революціонеры, вооруженной силой на своихъ гонителей и палачей, требуя полной народной воли, свободы вѣры, рѣчи и печати и созыва выборныхъ отъ всей земли русской. Убили они нѣсколькихъ главныхъ начальниковъ, добрались наконецъ и до самого Александра II. Но не уступилъ и сынъ его; сломилъ онъ силу соціалистовъ, потому что не поддержалъ ихъ тогда рабочій народъ. Пребывалъ тогда народъ въ своей темнотѣ, словно богатырь въ темницѣ, и спалъ тяжелымъ сномъ и не видѣлъ и не слышалъ, какъ гибнутъ за него великіе борцы партіи „Народной Воли“...

Но прошло съ того времени уже 20 лѣтъ, засіяли уже темному народу свѣтлые лучи просвѣщенія, и зашевелился богатырь въ темницѣ, сталъ глаза протирать и прислушиваться. И вотъ снова напали соціалисты-революціонеры на царское правительство и ждутъ себѣ помощи отъ великой силы рабочаго народа. Неужели и на этотъ разъ не проснется онъ, не услышитъ, какъ друзья его разбиваютъ двери темницы, зовутъ его на волю? Неужели не вскочитъ онъ на ноги, не соберется со всей своей силой и не высадитъ желѣзныя двери, за которыми тяжко страдаетъ уже сотни лѣтъ?...

Теперь напали соціалисты-революціонеры на Мин. Вн. Дѣлъ Сипягина, потому что изъ всѣхъ царскихъ слугъ и народныхъ угнетателей больше всѣхъ просился онъ подъ пулю. Недавно онъ министромъ, а чего только не успѣлъ сдѣлать! По его совѣту царь издалъ законъ, чтобы въ Сибири отводилась почти даромъ земля дворянамъ. Онъ отобралъ отъ земства продовольствіе голодающихъ и сотни тысячъ рублей раздалъ зря чиновникамъ. Онъ запретилъ печатать въ газетахъ о голодѣ, запретилъ допускать къ голодающимъ кого бы то ни было кромѣ чиновниковъ: пусть лучше мрутъ крестьяне съ голоду, лишь бы не проникла къ нимъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и правда о соціалистахъ, о народной волѣ! Онъ приказалъ полиціи безпощадно избивать всѣхъ студентовъ и рабочихъ, которые собирались толпами на улицахъ и требовали, чтобы царь далъ народу свободу. Онъ въ одной Москвѣ за такія уличныя собранія сразу 100 человѣкъ сослалъ безъ суда въ Сибирь и 700 посадилъ въ тюрьму. На него падетъ кровь десятковъ рабочихъ, застрѣленныхъ солдатами на Обуховскомъ заводѣ въ Петербургѣ въ маѣ 1901 года и въ Батумѣ въ нынѣшнемъ году, виноватыхъ только въ томъ, что добивались отъ хозяевъ лучшаго заработка. Да и не счесть сколько слезъ и крови пролилось изъ-за этого палача царскаго! Неужели не заслужилъ онъ смертной казни?

Что же теперь сдѣлаетъ царь? Пойметъ онъ, что нельзя больше противиться народному движенію, что пора дать русскому народу свободу и самоуправленіе, или будетъ онъ по прежнему давить рабочій народъ и его защитниковъ? Посмотримъ. Только пусть царь не забываетъ о томъ, какою смертью умеръ его дѣдъ. Сотни лѣтъ жилъ русскій народъ не для себя, а для царя, сотни лѣтъ поливалась русская земля потомъ, слезами и кровью царскихъ рабовъ, и пришелъ конецъ ихъ терпѣнію. Пусть не ждетъ царь пощады отъ тѣхъ, кто самъ идетъ на смерть! Пусть знаетъ, что на мѣсто казненныхъ и замученныхъ въ тюрьмѣ придутъ десятки новыхъ борцовъ, — придутъ изъ самаго рабочаго народа,—что скоро поднимется и самъ народъ за правду, за народную волю!

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

ПО ДѢЛУ О ДВОРЯНИНѢ СТЕПАНѢ БАЛМАШЕВѢ,

ПРЕДАННОМЪ ПЕТЕРБУРГСКОМУ ВОЕННО-ОКРУЖНОМУ СУДУ ПОМОЩНИКОМЪ КОМАНДУЮЩАГО ВОЙСКАМИ ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА И ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА.

2-го сего апрѣля, во вторникъ, въ часъ дня къ Маріинскому дворцу къ подъѣзду комитета министровъ, подъѣхалъ офицеръ въ адъютанской формѣ и, обратившись къ помощнику швейцара, отставному унтеръ-офицеру Парфенову, спросилъ: „Здѣсь-ли министръ внутр. дѣлъ?“ Получивъ отвѣтъ, г. министра еще нѣтъ, офицеръ сказалъ: „ну я его, можетъ быть, застану на квартирѣ“ и отъѣхалъ по направленію къ Морской. Не доѣхавъ до этой улицы, карета на глазахъ Парфенова, снова поворотила къ дворцу и остановилась у подъѣзда. Офицеръ вышелъ изъ кареты, быстро прошелъ въ подъѣздъ къ швейцару и, выйдя на площадку лѣстницы, обратился съ тѣмъ-же вопросомъ къ швейцару, отставному унтеръ-офицеру Лукьянову, и на отвѣтъ Лукьянова, что министръ еще не пріѣхалъ, сказалъ: „Надо лично подать бумаги отъ великаго кн. Сергѣя Александровича.“ Въ эту минуту Лукьяновъ замѣтилъ, что ѣдетъ карета министра вн. дѣлъ, и пошелъ на встрѣчу, готовясь снять пальто. Какъ только вошелъ министръ вн. дѣлъ, офицеръ пошелъ на встрѣчу и, подавая пакетъ, сказалъ: „У меня бумага къ Вашему Выс-ву отъ вел. кн. Сергѣя Александровича.“ А когда министръ остановился и переспросилъ: „отъ кого?“ Офицеръ далъ тотъ же отвѣтъ, отступилъ шагъ назадъ и выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ министра егермейстера Сипягина. Министръ со стономъ опустился на полъ. Лукьяновъ схватилъ офицера за правую руку и затѣмъ послѣдовалъ третій выстрѣлъ, причемъ пуля попала въ выѣзднаго лакея егермейстера Сипягина Боброва. Послѣ того, какъ Лукьяновъ поднялъ руку офицера, раздались еще два выстрѣла и пули ударились въ потолокъ. Лукьяновъ вырвалъ револьверъ изъ рукъ офицера и схватилъ его за рукавъ, тотъ сталъ просить не держать его, говоря: „Я сдѣлалъ все, что было мнѣ нужно.“ На выстрѣлъ и крики Лукьянова и Боброва прибѣжали начальникъ отдѣленія надворный совѣтникъ Петерсенъ, титулярный совѣтникъ Волковъ и др. чиновники, а также находившійся въ канцеляріи докторъ Петровъ. На вопросъ, кто произвелъ выстрѣлъ, присутствовавшій тамъ служитель Федоровъ указалъ на задержаннаго офицера, тогда тотъ,

по показанію Федорова, сказалъ: „Съ такими людьми такъ и поступаютъ.“ Докторъ Петровъ засталъ министра Сипягина лежащимъ на полу, въ спинномъ положеніи, въ шубѣ, безъ шапки. При изслѣдованіи министръ найденъ былъ въ глубокомъ обморочномъ состояніи. Съ помощью окружающихъ докторъ Петровъ разорвалъ одежду министра и перенесъ его на кровать въ той же комнатѣ. Осмотрѣвъ, докторъ нашелъ двѣ пулевыя раны, находящіяся — одна въ подложечной области живота, а другая на шеѣ слѣва и немного ниже ключицы. Послѣ вспрыскиванія подъ кожу мускуса, пульсъ сталъ улучшаться и раненый на моменты сталъ приходить въ себя и снова впадалъ въ глубокое обморочное состояніе. Въ это время министръ произнесъ нѣсколько отрывистыхъ словъ: „Сообщите Государю, — хочу видѣть Государя, — „Я вѣрою и правдою служилъ Государю и никому не желалъ зла.“ Потомъ сказалъ: „Пошлите за женой.“ Между тѣмъ, не смотря на вспрыскиваніе мускуса, пульсъ все слабѣлъ, раненый покрылся весь холоднымъ потомъ и сдѣлался синимъ. Онъ метался, хватаясь руками за раны. Кровотеченія за все время не наблюдалось. Врачъ на обѣ раны наложилъ ассептическую марлю и продолжалъ давать мускусъ подъ кожу и внутрь, пока не прибыли хирурги Трояновъ, Павловъ и Вельяминовъ, по прибытіи ихъ раненаго отправили въ Максимиліановскую лечебницу и здѣсь въ присутствіи врача Петрова и упомянутыхъ хирурговъ въ 2 ч. 25 м. министръ скончался. По показанію Петрова, когда онъ оказывалъ помощь министру, въ двухъ-трехъ шагахъ отъ постели стоялъ молодой офицеръ, котораго швейцаръ держалъ за руку и который на чей-то вопросъ сказалъ: „Это за послѣдній циркуляръ.“ По показанію Боброва онъ былъ раненъ въ грудь и руку въ тотъ моментъ, когда послѣ выстрѣловъ, произведенныхъ въ министра, послѣдній упалъ и онъ бросился къ нему на помощь. Всего преступникомъ было произведено сряду пять или шесть выстрѣловъ.

При осмотрѣ же 2-го апрѣля въ присутствіи врачей Троянова и Вельяминова тѣла покойнаго министра были найдены двѣ раны. — Одна на передней поверхности живота подъ мечевиднымъ отросткомъ, съ ушибленными краями, въ поперечникѣ около сантиметра, вторая рана — на лѣвой боковой поверхности шеи, у наружнаго края грудной клѣтки мышцы съ ушибленными краями и кровоподтеками. По мнѣнію, высказанному названными врачами, смерть министра, послѣдовала отъ паралича сердца, и вслѣдствіи нанесенныхъ ранъ въ животъ и шею. Будучи схваченъ и обезоруженъ и вскорѣ же затѣмъ подвергнутъ допросу, обвиняемый заявилъ, что онъ Степанъ Валерьяновичъ Балмашевъ, причемъ на дальнѣйшіе вопросы о его личности отвѣчать отказался, а на вопросъ о виновности объяснилъ, что онъ не признаетъ себя виновнымъ, и что хотя покушеніе на убійство министра онъ дѣйствительно совершилъ, но никакихъ по сему предмету показаній онъ давать не желаетъ, подписать свое показаніе обвиняемый также отказался, заявивъ что онъ не желаетъ помогать слѣдствію.

При личномъ осмотрѣ назвавшагося Балмашевымъ, тотчасъ по его задержаніи оказалось, что одѣтъ онъ былъ въ офицерскую адъютантскую форму съ поручичьими погонами, въ рукахъ задержаннаго имѣлся большого формата заклеенный конвертъ съ

надписью: „Его Выс-ву г. Мин. Внут. Дѣлъ Сипягину“ и съ вложеннымъ въ него листомъ слоновой бумаги. Кромѣ того у задержаннаго имѣлся кожанный портфель, въ которомъ находились еще два пакета, незапечатанные, съ надписью: „Его Выс-ву г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода Побѣдоносцеву,“ а второй съ надписью: „Его Выс-п-ву“. Спрошенный вторично того же 2-го апрѣля обвиняемый заявилъ, что онъ Степанъ Вал. Балмашевъ и что никакихъ показаній о своей личности онъ давать не желаетъ. Въ убійствѣ мин. внут. дѣлъ Сипягина, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, онъ виновнымъ себя признаетъ, въ покушеніи на убійство (лакея Боброва) не признаетъ, т. к. выстрѣлъ, которымъ раненъ Бобровъ, послѣдовалъ случайно, отъ того что швейцаръ держалъ его за руку и убивать Боброва ему, обвиняемому, по его выраженію, не было ни какого смысла. Никакихъ показаній по поводу убійства министра онъ давать не желаетъ.

По произведеніи судебнаго медицинскаго осмотра, и вскрытія мертваго тѣла мин. экспертами, профессоръ Военной Медицинской Академіи Косоротовъ, далъ заключеніе, что смерть егерм. Сипягина послѣдовала отъ поврежденій важныхъ для жизни органовъ, а именно: крупныхъ кровеносныхъ сосудовъ, позвоночника, печени, желудка и правой почки; поврежденія эти безусловно смертельны, какъ сопровождающіяся большими кровотеченіями и изліяніями желудочнаго содержимаго въ брюшную полость.

При производствѣ слѣдствія, по обнаруженіи личности обвиняемаго добыты слѣдующія данныя. По показанію сына содержателя магазина мужского платья Лейбы Сагалова и закройщика Вульфъ, 27 марта къ нимъ въ магазинъ пришелъ неизвѣстный до того господинъ и, назвавшись Быковымъ, заказалъ на свой ростъ адъютантскую форму, говоря, что хочетъ сдѣлать подарокъ брату; господинъ этотъ былъ одѣтъ въ статское платье, въ фуражкѣ министерства юстиціи. Заказъ былъ выполненъ, заказчикъ уплатилъ 116 рублей, и взялъ 30 марта все платье. Въ обвиняемомъ Балмашевѣ они признали этого заказчика. По показанію мѣщанина Евстигнѣева, онъ въ обвиняемомъ Балмашевѣ признаетъ того господина, которому 27 мар. продалъ адъютантскую фуражку. По показанію мѣщанина Рогачева, онъ въ обвиняемомъ признаетъ ту личность, которой продалъ портупею и шашку. Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля кучеръ содержателя каретнаго заведенія на Бассейной, крест. Кузьминъ показалъ, что 1-го апр. около 10 час. утра къ нимъ на дворъ явился господинъ въ статскомъ платьѣ и порядился о двумѣстной каретѣ, чтобы она была готова на 2 апр. къ 12 ч. дня, на углу Троицкаго пер. и Невск. пр. къ кондитерской Филипова для поручика Игнатьева, который выйдетъ, когда карета подъѣдетъ на 2 часа, съ 12-2 ч, за 10 р., деньги уплатилъ тотчасъ же. 2 апр. въ 12 ч. онъ Кузьминъ подъѣхалъ къ булочной и сталъ дожидаться, вскорѣ вдругъ вышелъ офицеръ, сѣлъ въ карету и приказалъ ѣхать къ Адмиралтейству, за тѣмъ по Набережной къ Николаевскому мосту, а оттуда къ Государственному Совѣту. Здѣсь офицеръ спросивъ что-то у швейцара, приказалъ ѣхать на квартиру, когда же онъ спросилъ, куда на квартиру, офицеръ сказалъ: „Вернись обратно,

все равно не застану". Тогда онъ Кузьминъ, снова подъѣхалъ къ тому же подъѣзду и офицеръ ушелъ въ подъѣздъ. Спустя мин. 15 къ нему подошелъ швейцаръ и узнавъ, что офицера привезъ онъ, приказалъ ему не уѣзжать и оставилъ около него сторожа. При предъявленіи обвиняемаго Балмашева Кузьмину — послѣдній призналъ того офицера въ немъ, котораго 2 апрѣля подвозилъ въ каретѣ къ Государственному Совѣту; причемъ послѣ того, какъ съ Балмашева было снято военное пальто, Кузьминъ заявилъ, что Балмашевъ въ этомъ статскомъ платьѣ очень похожъ на того господина, который 1 апр. приходилъ нанимать, а затѣмъ при вторичномъ предъявленіи Балмашева, Кузьминъ положительно удостовѣрилъ, что это именно онъ, Балмашевъ, и приходилъ нанимать карету. По показанію офиціанта въ кондитерской, кр. Манина, неизвѣстный ему до сего времени офицеръ, въ которомъ онъ теперь признаетъ Балмашева, заходилъ въ кондитерскую 2 апр. въ 12 ч. дня, гдѣ потребовалъ стаканъ шеколаду и просилъ ему сказать, когда пріѣдетъ карета и будетъ спрашивать поручика Игнатьева. Кучеръ скоро пріѣхалъ, и офицеръ, захвативъ, портфель, вышелъ изъ кондитерской. Студенты Петербургскаго Унив. Вл. и Бор. Каневскіе, по предъявленіи имъ обвиняемаго, заявили, что признаютъ въ немъ Балмашева, обучавшагося въ Саратовской первой гимн. и поступившаго затѣмъ въ Кіевскій Унив. Каневскій В. — видѣлъ Балмашева въ Саратовѣ въ половинѣ декабря, а въ Петербургѣ не встрѣчалъ его. Тогда же онъ слышалъ, что Балмашевъ за безпорядки былъ отданъ въ солдаты, а затѣмъ возвращенъ. Б. Каневскій видѣлъ Балмашева въ Саратовѣ послѣ января на студенческомъ вечерѣ въ клубѣ. Въ Саратовѣ онъ слышалъ, что Балмашевъ въ матеріальномъ отношеніи несостоятельный человѣкъ. Изъ отзыва ректора университета отъ 4 апрѣля видно, что Балмашевъ, Степ. Валер. сынъ потомственнаго дворянина Сарат. губ., родился 1881 года, 3-го апрѣля, во время пребыванія въ университетѣ Балмашевъ дважды участвовалъ въ студенческихъ безпорядкахъ. а именно на сходкѣ 5-го ноября 1900 г., за что по опредѣленію Совѣта ему былъ сдѣланъ строгій выговоръ со внесеніемъ въ штрафной журналъ, и сходкѣ 7-го дек. 1900 г., за что по опредѣленію особаго совѣщанія покойнымъ мин. нар. пр. былъ присужденъ къ удаленію изъ университета и сдачѣ въ солдаты, но въ силу Высочайшаго повелѣнія былъ опять зачисленъ на тотъ же факультетъ. Сверхъ того 23 янв. 1901 г, Балмашевъ по распоряженію начальника жанд. упр. былъ подвергнутъ предварительному заключенію и привлеченъ къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго по 318 и 252 ст. улож. Нынѣ Балмашевъ въ числѣ студентовъ не состоитъ, такъ какъ не исполнилъ пунк. 1-го предварительнаго объявленія студентамъ отъ 11 марта с. г. По постановленію совѣта унив., утвержденному мин. нар. пр., уволенъ въ числѣ всѣхъ студентовъ 1-го курса. Въ томъ же отзывѣ ректоръ ун. сообщилъ, что 27 нб. 1901 г. Балмашеву былъ разрѣшенъ отпускъ въ г. Саратовъ по 15 янв., и изъ этого отпуска онъ не являлся. Изъ отзыва прокурора Кіевск. суд. пал. отъ 4 апр. видно, что Балмашевъ для отбыванія воинской повинности былъ назначенъ въ Кіевскій полкъ, расположенный въ г. Рославлѣ, но вскорѣ по прибытіи въ часть получилъ отпускъ по болѣзни. Затѣмъ

послѣ принятія Балмашева вновь въ университетъ, онъ 6 дек., состоя подъ надзоромъ, безъ разрѣшенія полиціи выѣхалъ въ Саратовъ. На требованіе же Сар. губ. жанд. упр. о водвореніи его въ Кіевъ Балмашевъ подалъ заявленіе, прося оставить его въ Саратовѣ для поправленія здоровья и для того, чтобы не быть свидѣтелемъ безпорядковъ въ Кіев. унив. Ходатайство это было уважено, и Балмашевъ былъ оставленъ въ Саратовѣ, послѣ чего 20 марта с. г. послѣдовало сообщеніе начальника Сар. губ. жанд. упр., что Балмашевъ 15 марта выѣхалъ въ Кіевъ, но кіевскій полиціймейстеръ отзывомъ отъ 2 апр. увѣдомилъ мѣстное жанд. упр., что Балмашева въ Кіевѣ на жительствѣ не числится.

При производствѣ слѣдствія путемъ розыска и показаній свидѣтелей обнаружено, что Балмашевъ съ 27 марта по 29 проживалъ подъ именемъ сына статскаго совѣтника Быкова въ Выборгѣ въ гостинницѣ Соссіете и носилъ форменную фуражку съ золотымъ значкомъ. 29 марта онъ имѣлъ тамъ свиданіе съ какимъ то молодымъ человѣкомъ, занимавшимъ въ той же гостинницѣ другой номеръ, и рано утромъ 30 марта изъ гостинницы выѣхалъ, при чемъ передъ отъѣздомъ мѣпялъ сторублевый билетъ.

При сличеніи почерка Балмашева на несомнѣнно писанной имъ бумагѣ съ почеркомъ на конвертѣ и съ почеркомъ отмѣтки въ книгѣ гостинницы Соссіете, экспертами установлено, что какъ подписи на конвертѣ, такъ и подписка: марта 28 Александръ Петровичъ Быковъ, сынъ статскаго совѣтника (Уфа) писаны несомнѣнно Балмашевымъ. Ночь на 1-ое апр. Балмашевъ провелъ также въ Выборгѣ въ гостинницѣ Континенталь и утромъ 1 апр., въ понедѣльникъ отбылъ въ Петербургъ, при чемъ по дорогѣ на станціи Теріоки оставилъ два мѣста багажа, заявивъ, что пріѣдетъ вечеромъ обратно. Дѣйствительно, вечеромъ въ тотъ же день Балмашевъ прибылъ на станцію Теріоки и, захвативъ корзину, привезенную съ собой, и оставленный ранѣе багажъ, отбылъ на извозчикѣ въ мѣстность Теріоки; здѣсь Балмашевъ остановился на постояломъ дворѣ; во вторникъ 2 апр., переодѣвшись въ военное платье, снова возвратился на станцію, забывъ при этомъ на постояломъ дворѣ шашку, и съ поѣздомъ, отходящимъ на станцію Райвола, а затѣмъ со слѣдующимъ поѣздомъ, отходящимъ въ 8 час. утра отправился въ Петербургъ. Въ 11 час. утра Балмашевъ заходилъ въ помѣщеніе офицерскихъ вещей Иванова въ Гостинномъ Дворѣ и пріобрѣлъ тамъ шашку, которую тамъ же и одѣлъ; въ 12 ч. обвиняемый, какъ сказано выше, пришелъ въ кондитерскую Филиппова и сталъ ожидать тамъ заказанную наканунѣ карету.

При производствѣ слѣдствія, вызванный 3 апр. для предъявленія свидѣтелямъ, обвиняемый заявилъ, что желаетъ дать нѣкоторыя объясненія, и на допросѣ показалъ, что вся его предыдущая дѣятельность привела его къ убѣжденію, что при тѣхъ репрессіяхъ, которыми пользуется русское правительство въ борьбѣ съ революціонерами, мирная соціалистическая работа невозможна, слѣдствіемъ чего явилось его выступленіе на путь террора. Насиліе въ широкихъ размѣрахъ, которое было лозунгомъ политики мин. вн. дѣлъ Сипягина, заставило его остановиться на немъ. Террористическій способъ веденія борьбы онъ считаетъ безчеловѣчнымъ и же-

стокимъ, но онъ является неизбѣжнымъ при современномъ режимѣ. Заявленіе это по мнѣнію Балмашева можетъ имѣть общее значеніе, почему онъ его и дѣлаетъ, отъ дальнѣйшихъ же объясненій по дѣлу отказывается, такъ какъ не желаетъ помогать слѣдствію.

Наканунѣ, 2 апр. во время допроса свидѣтелей обвиняемый, сидя за столомъ, на лежавшемъ передъ нимъ листѣ чистой бумаги рисовалъ перомъ и, когда окончилъ, то оказалось, что обвиняемый нарисовалъ стволъ дерева и рисованными буквами сдѣлалъ слѣдующія двѣ надписи: „кровь за кровь“ и „насиліе вызываетъ насиліе“. Затѣмъ на допросѣ того же числа швейцара Лукьянова обвиняемый просилъ предложить свидѣтелю вопросъ, не сказалъ ли онъ, Балмашевъ, послѣ того какъ министръ упалъ: „такъ поступаютъ съ врагами народа“, на что Лукьяновъ отвѣтилъ, что въ то время былъ такъ взволнованъ, что этого не помнитъ.

По объясненію экспертовъ: гвардіи капитана Цвѣтиновича и хозяина оружейнаго магазина Чижова, револьверъ, изъ котораго произведены были выстрѣлы, самозаряжающійся на семь патроновъ, оказался безъ щекъ, которыя, повидимому, были сняты для того, чтобы они не оттопыривали кармана. Извлеченныя изъ тѣла покойника пули оказались съ головками, распиленными крестообразно. Эта подпилка произведена уже послѣ покупки патроновъ съ цѣлью усилить разрушительное дѣйствіе пули, но это не могло оказать желательнаго результата, такъ какъ мельхіоровая оболочка недостаточно распилена въ длину. Предъявленныя семь гильзъ принадлежатъ патронамъ, употребляемымъ для стрѣльбы изъ автоматическихъ револьверовъ.

Затѣмъ къ дѣлу приложены между прочимъ въ качествѣ вещественнаго доказательства и приложеніе, пріобщенное ранѣе къ дознанію о тайныхъ студенческихъ кружкахъ при университетѣ св. Владимира: тетрадь студента Балмашева, начинающаяся словами: „Вслѣдствіе существующей въ мірѣ борьбы за существованіе“, рукопись его же, озаглавленная: „Кое что о новѣйшихъ фракціяхъ въ русской интеллигенціи“, тетрадь его же, озаглавленная: „Значеніе изученія политической экономіи“ и рукопись, начинающаяся словами: „Одна изъ обычныхъ исторій“. При осмотрѣ судебнымъ слѣдователемъ означенныхъ рукописей сдѣланы нѣкоторыя извлеченія, и въ протоколѣ приведены мѣста, въ которыхъ авторъ высказалъ слѣдующія мысли: „При современномъ соціальномъ строѣ человѣкъ не можетъ достичь цѣли своей жизни — наслажденія. Слѣдовательно, такой строй не выгоденъ, и нужна его перемѣна, а отсюда является борьба со старымъ строемъ. Студенты сознаютъ, что строй, при которомъ они живутъ, поддерживается маленькой горстью людей въ ея личныхъ, глубоко эгоистическихъ интересахъ. Студенчество дождалось сильнѣйшихъ репрессій. Русское правительство желало имъ же самимъ установленные законы (драконовскіе) мѣнять на еще болѣе безчеловѣчные, русское правительство, опираясь на аграріевъ и буржуазію, имѣетъ въ полномъ своемъ распоряженіи милліоны забитыхъ, покорныхъ солдатъ, готовыхъ по первому приказанію стрѣлять. Измѣненіе академическаго режима возможно исключительно лишь съ перемѣной всего

общественнаго строя, почему студенты и должны стремиться къ уничтоженію современнаго монархическаго строя."

На основаніи всего вышеизложеннаго, дворянинъ Степанъ Балмашевъ обвиняется въ томъ, что подъ вліяніемъ озлобленія на егермейстера Сипягина за его распоряженія, какъ мин. вн. дѣлъ, онъ задумалъ лишить его жизни и съ этою цѣлью, переодѣвшись въ адъютантскую форму, чтобы облегчить себѣ доступъ къ упомянутому министру, 2 апр. въ часъ дня прибылъ въ помѣщеніе Комит. Мин., куда въ это время долженъ былъ прибыть мин. вн. дѣлъ, и выждавъ, когда послѣдній вошелъ въ швейцарскую, подошелъ къ нему, заявляя, что пріѣхалъ съ пакетомъ, и въ разстояніи шага отъ министра произвелъ въ него два выстрѣла, причинивъ двѣ безусловно смертельныя раны въ животъ и въ шею, отъ которыхъ егер. Сипягинъ скоро скончался, при чемъ при задержаніи онъ, Балмашевъ, произвелъ третій выстрѣлъ, поранивъ въ грудь и руку выѣзднаго лакея Боброва. Дѣяніе это предусмотрѣно въ виду послѣднихъ распоряженій мин. вн. дѣлъ о передачѣ дѣла о Балмашевѣ на основаніи ст. 17 Высочайше утвержден. положенія о государственной охранѣ на разсмотрѣніе военнаго суда для сужденія по законамъ военнаго времени, 18 ст. означеннаго положенія о мѣрахъ къ охранѣ гос. порядка и обществен. спокойствія и 279 ст. 22 кн. С. В. П. 1869 изд. 3.

Свидѣтели: 1) Отставной унт.-оф. Вас. Фед. Парфеновъ, 2) Отставной унт.-оф. Гр. Лукьяновъ, 3) Сверхсрочный унт.-оф. Левъ Бобровъ, 4) Отстав. ряд. Кир. Федоровъ, 5) Врачъ Канц. Ком. Мин. коллеж. сов. Варфол. Фед. Петровъ, 6) Титул. сов. Ник. Алекс. Волковъ, 7) Кандид. коммер. Лейба Лейбовъ Сагаловъ, 8) Закройщикъ Пафтель Вульфъ, 9) Кр. Мих. Кузьминъ, 10) Кр. Алдр. Алд. Мининъ, 11) Студ. Спб. Ун. Вл. Соломон. Каневскій, 12) Студ. Спб. Ун. Бор. Соломон. Каневскій, 13) Экспертъ проф суд. мед. Воен. Мед. Акад. Косоротовъ, 14) Экспертъ гвардіи кап. Цвѣтиновичъ.

Обвинительный актъ составленъ 14 апрѣля 1902 г.

Подл. подписалъ ген.-майоръ Павловъ — военный прокуроръ.

2-ое апрѣля 1902 года. *)

Карающая рука революціи опустилась всѣмъ вѣсомъ своимъ на злѣйшаго врага русской свободы: Дмитрій Сипягинъ, всемогущій и безотвѣтственный министръ царя, сваленъ — и сваленъ навсегда — не вотомъ недовѣрія отсутствующаго парламента, а револьверной пулей героя. То — единственно возможная у насъ форма отвѣтственности правительства передъ страной.

Мы, революціонеры, свободны отъ лицемѣрной лжи надгробныхъ приличій, и насъ не смущаетъ оцѣнка только что павшаго

*) „Летучій Листокъ Револ. Россіи", № 3. Апр. 1902.

врага. Мы страстно любимъ великій русскій народъ, страстно ненавидимъ его угнетателей,—и актъ революціоннаго правосудія надъ тираномъ проникаетъ всѣ фибры души нашей чувствомъ глубокаго идейнаго удовлетворенія.

Умирая, министръ произнесъ, по увѣренію близкихъ, слова: „за что убили меня? Я никому не сдѣлалъ зла". Эта чудовищная фраза достаточно показываетъ, въ какой тупикъ завело Россію наше самодержавіе.

Какъ! Дмитрій Сипягинъ загубилъ арестами, тюрьмой, ссылкой тысячи молодыхъ жизней, залилъ слезами глаза отцовъ и матерей, полосовалъ нагайками казаковъ безоружную толпу, рубилъ женщинъ шашками полицейскихъ, топталъ дѣтей копытами жандармскихъ лошадей, надругался надъ связанными врагами, надругался надъ беззащитными дѣвушками въ тюрьмахъ, бросалъ на землю солдатскими залпами цѣлые ряды рабочихъ и крестьянъ, виновныхъ лишь въ томъ, что требовали ничтожнаго улучшенія своихъ каторжныхъ условій, — и Дмитрій Сипягинъ, умирая, говоритъ: „за что убили меня? Я никому не сдѣлалъ зла".

Дмитрій Сипягинъ цинично надругался надъ представителями общества, выражавшими самый скромный, самый слабый протестъ противъ его беззаконій и свирѣпыхъ дѣлъ, гналъ въ ссылку избитыхъ литераторовъ за то, что они были избиты и грозилъ отучить ихъ, „этихъ писателишекъ, не только болтать, но и думать", изгонялъ за границу почтенныхъ престарѣлыхъ людей, всячески отравлялъ закатывающуюся жизнь „великаго писателя земли русской", закрылъ литературный союзъ, который осмѣлился напомнить о существованіи нѣкоторыхъ законныхъ формъ, обязательныхъ даже и въ деспотическомъ государствѣ, запрещалъ произвольно журналы и газеты, т. е. совершалъ возмутительнѣйшія съ самой буржуазной точки зрѣнія преступленія противъ личности и собственности, — и Дмитрій Сипягинъ умираетъ, говоря: „за что убили меня? Я никому не сдѣлалъ зла".

Дмитрій Сипягинъ поставилъ всю Россію на осадное положеніе, глумился надъ народнымъ бѣдствіемъ, надъ ужасающимъ голодомъ, запрещая обществу помогать страдающимъ, земству организовать правильныя пособія, а газетамъ даже упоминать о голодѣ; глумился и надъ духовнымъ голодомъ народа, закрывалъ школы или отдавалъ ихъ подъ надзоръ поповъ, натравливалъ своими провокаторами темныхъ крестьянъ на сектантовъ, избивалъ людей, грѣшащихъ единственно непротивленіемъ,—и Дмитрій Сипягинъ умираетъ, говоря: „за что убили меня? Я никому не дѣлалъ зла".

Неужели же не видать, что пропасть между націей и правительствомъ все расширяется, и что взаимному непониманію некуда идти дальше? Каинъ убилъ Авеля, русское самодержавіе раздавило великій народъ и, въ лицѣ вѣрнѣйшаго изъ опричниковъ своихъ, недоумѣнно спрашиваетъ: что же ты имѣешь противъ меня? я вѣдь только и сдѣлалъ всего, что уничтожилъ тебя?

И мы, мы, революціонеры, обращаемся къ обществу и говоримъ: русскіе люди! неужели вы забыли, что вы дѣйствительно

люди, что у васъ человѣческое обличье, что у васъ нѣтъ ни шерсти на спинѣ, ни копытъ на ногахъ? Но тогда опомнитесь, пробудитесь! Вѣдь вы—отцы, наставники, совѣтники. Что же вы сдѣлали хотя бы въ защиту дѣтей, когда даже лѣсной звѣрь яростно защищаетъ своихъ дѣтенышей? Неужели вы и теперь не заявите, что Россія принесла уже достаточно жертвъ умами, характерами, талантами, развитіемъ личности и счастьемъ народа идолу неограниченнаго монарха, и что вы отказываетесь отъ дальнѣйшаго пособничества этой великой исторической измѣнѣ передъ родиной? Неужели вы не поймете, что отъ васъ зависитъ уменьшить самымъ простымъ и далеко не героическимъ заявленіемъ въ пользу правильнаго правового порядка рѣзкость тѣхъ столкновеній, къ которымъ снова вынуждены прибѣгнуть революціонеры? На васъ падетъ лишняя кровь и лишнія жертвы.

Мы, революціонеры, обращаемся и къ правительству и говоримъ: мы — соціалисты, и идеалъ общаго труда и общихъ радостей горитъ для насъ такой высокой путеводной звѣздой, что мы не сойдемъ съ дороги его достиженія ни при какихъ, ни при самыхъ свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ. Но отъ правительства зависитъ, будемъ ли мы бороться за этотъ идеалъ обычными въ культурныхъ странахъ средствами, или же должны будемъ снова браться, какъ говорила въ свое время Народная Воля, „за печальное, но необходимое оружіе“ террористической самозащиты и борьбы.

Мы — искренніе республиканцы, и глубоко убѣждены, что соціализмъ можетъ осуществиться лишь внутри настоящей демократіи. Но опять таки отъ правительства зависитъ, будемъ ли мы вести борьбу противъ монархіи, только какъ противъ учрежденія, или же насъ будутъ вынуждать въ разгарѣ борьбы класть на одну чашку вѣсовъ самую жизнь фактическихъ вершителей государственныхъ дѣлъ,—а на другую благо всей Россіи.

Теперь великая страна переживаетъ и великій историческій моментъ, и ближайшія дѣйствія правительства покажутъ намъ, насколько у сторонниковъ самодержавія сохранилось еще государственнаго чутья. Пусть русскому народу дадутъ возможность свободнаго развитія, и мы цѣликомъ отдадимъ себя великому освободительному движенію, надъ которымъ работаютъ и наши европейскіе собратья. Но если правительство окажется по прежнему глухимъ и слѣпымъ къ урокамъ жизни, если оно по прежнему будетъ хвататься за реакціонныя, отжившія свой историческій вѣкъ средства, то оно можетъ лишь на короткій моментъ отсрочить надвигающійся переворотъ, но за то онъ проявится со всесокрушающей силой урагана... Пусть же на царя и его совѣтниковъ падетъ отвѣтственность за грядущее.

Отъ лица всей сознательной Россіи мы требуемъ: 1) полной амнистіи по дѣламъ политическимъ и о стачкахъ; 2) свободы слова, печати, собраній и союзовъ; 3) Земскаго Собора.

Мы ждемъ отвѣта правительства и стоимъ пока подъ ружьемъ.

Надгробное слово Д. С. Сипягину. *)

Выстрѣлъ С. В. Балмашева устранилъ изъ рядовъ живущихъ едва ли не самую замѣчательную по своей типичности, цѣльности и законченности фигуру среди слугъ русскаго абсолютизма. Болѣе того,—едва ли можно найти другого человѣка, который бы до такой степени ярко воплощалъ въ своей личности всю духовную сущность нашего „нелѣпо-абсолютнаго и абсолютно-нелѣпаго“ самодержавія.

Рядомъ съ фигурою такого слабаго, ничтожнаго, несамостоятельнаго человѣка, какъ Николай II Послѣдній, Сипягинъ являлся настоящимъ временщикомъ и „полудержавнымъ властелиномъ“ многострадальной Россіи. И характерно то средство, которымъ онъ достигъ своего всевластія. Это средство—систематическое запугиваніе коронованнаго „послѣдыша“—есть средство столь же простое и легкое, сколько дѣйствительное. Боязнь собственнаго паденія не разъ была основнымъ руководящимъ мотивомъ идущихъ къ крушенію правительствъ, и эта боязнь усиленно внушалась Сипягинымъ всероссійскому скиптродержцу, превращенному въ настоящій „муропомазанный штемпель“ съ надписью „быть по сему“,—штемпель, безъ котораго были бы неполны всѣ „исходящія“ и „входящія“ министерствъ, хотя онъ и не прибавляетъ ничего къ ихъ духовному содержанію. Даже и по внѣшности Сипягинъ усвоилъ было себѣ всѣ аттрибуты временщика. Стоитъ вспомнить лишь тріумфальный объѣздъ его Россіи осенью прошлаго года—объѣздъ, во время котораго онъ раздѣлилъ Россію на 12 участковъ, намѣреваясь обревизовать всю ее въ теченіе 12 лѣтъ. Надолго же думалъ онъ сохранить свою безотвѣтственную власть надъ Россіей...Провинція не запомнитъ, чтобы какой-нибудь министръ объявлялъ себя такъ торжественно, какъ онъ. За двѣ недѣли до его пріѣзда былъ извѣстенъ всюду „маршрутъ его Превосходительства“, часъ прибытія, мѣсто остановокъ, пріемовъ, завтраковъ, обѣдовъ; сообщалось, когда должны быть готовы лошади, пароходъ или поѣздъ желѣзной дороги. Такъ ѣздятъ немногіе даже изъ особъ царствующаго дома...

И не потому только Сипягинъ являлся наиболѣе полнымъ олицетвореніемъ современнаго порядка, что это былъ типично дворянскій министръ, способный вырвать изъ сумы нищаго копейку, чтобы отдать государственнымъ нахлѣбникамъ изъ промотавшихся помѣщиковъ; не только потому, что выхватывалъ изъ подъ ногъ безземельныхъ крестьянъ, голодныхъ переселенцевъ цѣлыя территоріи въ Сибири для насажденія крупнаго землевладѣнія; не только потому, что перевернулъ вверхъ ногами всѣ проэкты облегченія правового положенія крестьянства; не только потому, что отдалъ въ руки злѣйшихъ враговъ крестьянства —помѣщиковъ и земскихъ начальниковъ—дѣло народнаго про-

*) „Летучій Листокъ Револ. Россіи“, № 3. Апр. 1902.

41202 8

довольствія; не только потому, что обставлялъ доступъ хлѣба къ голодающимъ такими же рогатками, какъ раньше—доступъ пищи духовной; не только потому, что давилъ печать такъ, какъ это было развѣ только во времена Павла I Умалишеннаго или Николая I Незабвеннаго; не только потому, что предоставлялъ въ распоряженіе фабрикантовъ всѣ силы полицейскаго государства для порабощенія рабочихъ...

Наиболѣе типичнымъ, цѣльнымъ и законченнымъ олицетвореніемъ самодержавнаго режима Сипягинъ былъ еще потому, что неуклоннѣе, послѣдовательнѣе другихъ проводилъ политику произвола до ея логическаго конца, не оглядываясь ни назадъ, ни по сторонамъ, съ безграничнымъ и тупымъ упорствомъ ведя свою линію... Онъ понималъ—или, лучше сказать, смутно, инстинктивно всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что такой режимъ, какъ современный русскій, погибъ безповоротно, если хоть на минуту ослабить возжи, вступить со страной въ переговоры, пойти хотя бы на видимыя, чисто внѣшнія уступки. Онъ понималъ, что сомнѣнія, неустойчивость, колебанія могутъ нанести традиціонному, историческому престижу самодержавія послѣдній ударъ; что только поддерживая всѣми силами въ обществѣ былую вѣру въ абсолютное всемогущество русскаго деспота, можно еще держаться и держаться; что только безпощадное подавленіе всякаго проявленія самостоятельчости и свободы сдерживаетъ открытое протестующее движеніе, и стоитъ лишь оставить щелку для этого движенія, чтобы оно своимъ напоромъ настежъ распахнуло двери...

И эта черта, которой Сипягинъ оставался вѣрнымъ до самой смерти, и послужила поводомъ для досужаго обывателя—большого охотника до показыванія начальству фиги въ карманѣ—окрестить его своеобразнымъ прозвищемъ Дикой Свиньи, въ качествѣ разоблаченія инициаловъ его имени (Д. С. Сипягинъ). Щедринская „торжествующая свинья“, злобно и настойчиво чавкающая Правду, въ его лицѣ, дѣйствительно, осложнилась новою чертой—какой-то неудержимой, стихійной, дикой лютости...

—„Этихъ писателишекъ я отучу не только писать, но и думать“,—говоритъ онъ, подписывая постановленіе о высылкѣ изъ столицы цѣлаго ряда видныхъ представителей литературы и мысли.

—„Кровью залью весь Петербургъ, а уничтожу въ корнѣ всякіе протесты!“—съ холодной жестокостью произноситъ онъ, отдавая приказанія по поводу рабочихъ волненій и демонстрацій.

И съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характерно поведеніе Сипягина въ двухъ самыхъ острыхъ и жгучихъ вопросахъ послѣдняго времени—въ вопросѣ о политикѣ Ванновскаго: „сердечномъ попеченіи“ о студентахъ и вопросѣ о политикѣ Зубатова: „сердечномъ попеченіи“ о рабочихъ.

Когда старая лиса—Побѣдоносцевъ—подсунулъ растерявшемуся самодержцу послѣ выстрѣловъ Лаговскаго, Карповича, первыхъ демонстрацій, рескриптъ 25 марта, только Звѣревъ и вѣрный себѣ Сипягинъ остались въ оппозиціи, предрекая, что путь уступокъ—путь скользкій и опасный, который никого не удовлетворитъ и только вселитъ больше смѣлости въ рядахъ оппозиціи...

И только Сипягинъ, несмотря на торжество противоположнаго взгляда, все время продолжалъ дѣйствовать въ подрывъ Ванновскому, рѣшительно отказавшись измѣнить свою полицейскую тактику систематическаго раздраженія и провокаціи молодежи и рабочихъ. Онъ предпринимаетъ массовыя облавы, потокъ арестовъ и обысковъ заливаетъ всю Россію—ему нужны доказательства угрожающей опасности для трона. Не удаются обыски—онъ пользуется стачками на Выборгской сторонѣ, Шлиссельбургскомъ трактѣ, Обуховскомъ и Балтійскомъ заводахъ, чтобы вызвать рѣзкія столкновенія. Ему нуженъ взрывъ возмущенія, нужна кровь—и расправа съ обуховцами, доведенными до мрачнаго героизма отчаянія, даетъ ему поводъ явиться къ царю и нарисовать ему грозный призракъ надвигающейся революціи, указывая, что прологъ ея уже наступилъ, что уже загрохоталъ первый громъ оружія... Долго не забудутъ свидѣтели, какъ испуганный, удрученный царь пріѣхалъ мрачный, какъ ночь, послѣ этого долада въ засѣданіе государственнаго совѣта на празднованіе столѣтняго юбилея этого учрежденія, и какъ, къ всеобщему недоумѣнію, онъ молча выслушалъ рѣчь Михаила Николаевича, молча повернулся и ушелъ, не подаривъ ни единымъ милостивымъ словомъ растерянныхъ сановниковъ—красный туманъ носившагося въ его воображеніи „дня разсчета“ застилалъ ему глаза...

Такъ, не останавливаясь ни передъ какими средствами, дѣйствовалъ Сипягинъ. Рабочіе могутъ вспомнить, какъ въ Петербургѣ, передъ уходомъ войскъ въ лагери, онъ сдѣлалъ представленіе о необходимости оставить въ Петербургѣ большой резервъ войскъ, въ виду постоянныхъ стачекъ рабочихъ. Напрасно самъ великій князь Владиміръ, въ качествѣ главнокомандующаго войсками, запротестовалъ, находя, что частое вызываніе войскъ деморализующе вліяетъ на солдатъ. Временщикъ и полудиктаторъ восторжествовалъ даже вопреки мнѣнію такого столпа реакціи, —восторжествовалъ, ибо онъ одинъ изъ немногихъ зналъ, чего хочетъ, куда идетъ и не боялся идти до конца. Пусть негодуетъ общество, вплоть до самыхъ смирныхъ обывателей, противъ бапибузуцкихъ подвиговъ полиціи. Послѣ доклада Сипягина, его послушное орудіе, грубый солдафонъ Клейгельсъ созываетъ всѣхъ чиновъ полиціи, кончая помощниками приставовъ и объявляетъ имъ: „Я счастливъ передать вамъ, что государь императоръ повелѣлъ благодарить всѣхъ полицейскихъ чиновъ за дѣйствія по прекращенію безпорядковъ—начиная съ весны этого года...“ Пусть русская полиція въ Финляндіи дѣйствуетъ прямо противозаконно и за это подвергается судебнымъ преслѣдованіямъ и строгимъ приговорамъ; послѣ доклада Сипягина, по Гельсингфорсскому полицейскому корпусу выходитъ приказъ, въ которомъ изъявляется „полнѣйшее благоволеніе и большое спасибо за разумное, энергичное поведеніе“, съ надеждой, „что они и впредь будутъ служить царю и отечеству съ такимъ же рвеніемъ“. Ободренные этимъ, полицейскіе Держиморды начинаютъ соперничать въ усердіи другъ передъ другомъ. Исполнительные бапибузуки на Кавказѣ хвастаются передъ публикой и высшимъ начальствомъ тѣмъ, что въ четверть часа справились съ тифлисской манифестаціей рабочихъ,—конечно, нѣсколько человѣкъ

жестоко пострадало... Въ Батумѣ власти однако побиваютъ рекордъ—по случаю стачки дважды обагряется земля кровью рабочихъ... Въ Петербургѣ происходятъ избіенія въ Народномъ Домѣ, въ Одессѣ не удовольствуются уличной расправой и „докалачиваютъ“ въ участкахъ. Лавры одесскихъ полицейскихъ не даютъ спать кіевскимъ, и они устраиваютъ еще небывалое даже въ лѣтописяхъ русской земли издѣвательство надъ связанными, арестованными врагами. Особенно достается рабочимъ —и еще болѣе—женщинамъ и дѣвушкамъ, нашимъ женамъ и сестрамъ... Ихъ подвергаютъ подъ предлогомъ обыска самому грубому, циничному обращенію, съ самымъ очевиднымъ, рѣзко подчеркнутымъ намѣреніемъ какъ можно наглѣе надругаться надъ ихъ женской и дѣвичьей стыдливостью, усиливая оскорбленіе грубаго прикосновенія нечистыхъ рукъ полицейскаго сброда приправой ругательствъ и бросая въ лицо арестованнымъ дѣвушкамъ самыя позорныя клички, примѣняемыя на площадномъ жаргонѣ къ проституткамъ... Задавить естественное человѣческое чувство собственнаго достоинства подъ грудой оскорбленій, вселить паническій страхъ, заставить во что бы то ни стало избѣгать повторенія подобныхъ ужасныхъ ощущеній—вотъ явная цѣль всѣхъ подобныхъ безчинствъ и звѣрствъ...

И политика заигрыванія съ рабочими, принятая въ Москвѣ по иниціативѣ Зубатова подъ покровительствомъ Сергія Александровича, встрѣчаетъ со стороны неизмѣннаго и прямолинейнаго Сипягина то же отношеніе, какъ и политика заигрыванія со студентами при пособіи старой развалины Ванновскаго. Всѣ эти извилистые, обходные пути на взглядъ Сипягина есть только ненужное и опасное балансированье между двумя стульями, рискованные эксперименты, почти авантюры. И Сипягинъ не скрываетъ своего неудовольствія, своей оппозиціи „новому курсу“ московскаго охраннаго отдѣленія. Онъ чуетъ, что досужимъ краснобайствомъ людей, уловленныхъ Зубатовымъ въ свою шайку, рабочіе не удовлетворятся, и чѣмъ искреннѣе повѣрятъ ихъ сладкимъ рѣчамъ, тѣмъ рѣшительнѣе потребуютъ со временемъ реализаціи щедро разсыпанныхъ обѣщаній, а, значитъ, тѣмъ скорѣе поймутъ, что ихъ обманывали, что боялись прямо противъ нихъ выступить, потому что считали ихъ силой. Самодержавіе, витающее гдѣ то высоко, на недосягаемыхъ вершинахъ, и поражающее оттуда своими громами всякаго дерзкаго смертнаго, возстающаго противъ его власти, способно, по крайней мѣрѣ, внушать суевѣрный страхъ, отъ котораго недалеко и до религіознаго преклоненія; самодержавіе, спускающееся на землю для хитростей, обмановъ, лицемѣрія, кажущихся уступокъ—способно внушать лишь презрѣніе и ненависть. И вотъ почему, вынужденный терпѣть зубатовскую политику въ вотчинѣ всемогущаго московскаго сатрапа и царька Сергѣя, князя Ходынскаго, Сипягинъ въ то же самое время упорно ведетъ свою линію въ діаметрально противоположномъ направленіи. Онъ оказываетъ покровительство Гужону, который ѣдетъ къ нему жаловаться на московскую охрану за то, что она для спасенія своего престижа въ рабочей средѣ вынуждена была вступиться за стачечниковъ. Онъ обращается съ циркуляромъ къ цензорамъ, гдѣ рекомендуетъ имъ не про-

пускать въ провинціальной прессѣ статей по рабочему вопросу, въ родѣ тѣхъ, которыя были инспированы охраной „Москов. Вѣдомостямъ„ и содержали въ себѣ монархическія заигрыванія съ рабочими. Онъ рѣшительно заявляетъ, что никакого рабочаго вопроса въ Россіи не существуетъ, и что примѣненіе зубатовской политики будетъ ограничено московскимъ генералъ-губернаторствомъ. Московскіе рабочіе, осѣненные духомъ Зубатова, пожелали прислать депутацію въ Петербургъ, чтобы возложить вѣнокъ на гробъ Александра II. Сипягинъ сначала просто и категорически отказываетъ, затѣмъ, вынужденный уступить настояніямъ Сергѣя, онъ ставитъ слѣдующія условія: въ день, хранящійся въ секретѣ, депутація въ количествѣ не болѣе трехъ рабочихъ прибудетъ изъ Москвы *подъ конвоемъ полицейскихъ* и въ позднее время, чуть не ночью, незамѣтно для публики будетъ привезена въ Петропавловскую крѣпость (недоставало бы только еще подержать ее немного въ крѣпости для размышленій на досугѣ о величіи самодержавія!) и тамъ возложитъ вѣнки. Самое чествованіе въ Москвѣ дня 19-го февр. то разрѣшалось по настояніямъ Сергѣя Александровича, то отмѣнялось по настояніямъ Сипягина... Въ этой исторіи сказался весь онъ, этотъ упрямый деспотъ, желающій идти прямо къ цѣли, давя все на своемъ пути, а не блуждать кривыми путями съ опасностью запутаться въ собственныхъ сѣтяхъ, или самому попасться въ разставленныя для другихъ ловушки.

Нѣтъ рабочаго вопроса! Кто этому не вѣритъ, тотъ пусть убѣдится изъ самого авторитетнаго источника. На петербургскіе заводы командируются жандармскіе полковники съ порученіемъ отъ министра, передающаго „личную волю государя“—узнать истинное положеніе дѣла и причину фабричныхъ неурядицъ. Полковники въ отдѣльныхъ комнатахъ съ глазу на глазъ ведутъ разговоры съ рабочими разныхъ цеховъ и докладываютъ, „что положеніе рабочихъ вполнѣ удовлетворительно, они имъ довольны, а причины безпорядковъ кроются въ пропагандѣ злонамѣренныхъ лицъ, въ видахъ противогосударственныхъ и революціонныхъ цѣлей“.

Нѣтъ крестьянскаго вопроса! Нѣтъ даже вопроса о голодающихъ... Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій комитета о домахъ трудолюбія Сипягинъ, зажавшій печати ротъ по вопросу о голодѣ, въ присутствіи „высочайшихъ особъ“ разыгрываетъ на этой почвѣ такую комедію. Послѣ обычныхъ славословій дѣятельности Августѣйше покровительствуемыхъ домовъ трудолюбія, одинъ изъ членовъ предлагаетъ, чтобы комитетъ пришелъ на помощь „нуждающемуся населенію пораженныхъ недородомъ хлѣбовъ мѣстностей“, какъ принято называть голодающихъ на оффиціально-фальшивомъ языкѣ высшихъ сферъ. Взоры присутствующихъ „высочайшихъ особъ“ устремляются на „всевѣдущаго“ Сипягина, который тотчасъ же заявляетъ, что не видитъ никакой надобности въ помощи комитета—ибо „какой же теперь голодъ? Мы вѣдь не дѣти, хорошо помнимъ голодъ 1891 и 1898 гг. Тогда всѣ газеты были наполнены прямо стонами, исходившими изъ голодныхъ мѣстностей. А теперь—помилуйте—ни одной жалобы, ни одной просьбы, ни одного сообщенія оттуда; не очевид-

но ли, что правительственныя продовольственныя комиссіи прекрасно справляются со своимъ дѣломъ и нужда вполнѣ удовлетворена. Всѣ мы хорошо знаемъ, что газеты всегда склонны скорѣе преувеличивать нужду, чѣмъ смягчать размѣры, и разъ въ нихъ нѣтъ никакихъ заявленій, никакихъ просьбъ о помощи, то, несомнѣнно, все обстоитъ благополучно". И успокоенныя высочайшія особы, сенаторы и генералы поспѣшили согласиться... Такъ сошла эта единственная въ своемъ родѣ комедія, возможная только при невѣроятной циничной наглости однихъ, дѣтской наивности и грубомъ невѣжествѣ другихъ и холопской трусости третьихъ...

Нѣтъ и университетскаго вопроса!.. Да и вообще какіе могутъ быть разговоры о „вопросахъ", когда отсутствіе ихъ прекрасно доказывается тѣмъ методомъ, который саркастически изобразилъ гокойный Шевченко; — какъ не говорить, что все обстоитъ благополучно, когда на всемъ необъятномъ пространствѣ Россійской имперіи

Отъ молдаванина до финна
На всѣхъ языкахъ все молчитъ—
Бо благоденствуе!

Не ясно ли, что въ этой „странѣ молчанія" остается только почить на лаврахъ и любовно обняться царю и жандарму.... Именно этого не хватало Сипягину для полнаго ансамбля всей картины—именно этимъ онъ и увѣнчалъ зданіе свой политики. Устраивается всероссійскій съѣздъ жандармскихъ полковниковъ и завершается заявленіемъ императора шефу отдѣльнаго корпуса жандармовъ, что „отнынѣ тѣсный союзъ, установившійся между нами (т. е. между тропомъ и жандармеріей) будетъ крѣпнуть все болѣе и болѣе"...

Тѣсный союзъ будетъ крѣпнуть... Да, будетъ крѣпнуть! Онъ скрѣпленъ кровью батумскихъ и петербургскихъ рабочихъ, кровью израненныхъ демострантовъ, кровью бунтующихъ и усмиряющихъ солдатскими залпами крестьянъ! Но за то другой кровью—кровью Боголѣпова и Сипягина—скрѣплена связь между представителями революціоннаго авангарда и всѣми изнывающими подъ гнетомъ временщика и его политики рабочими, крестьянами и интеллигентами. Надъ гробомъ самой типичной, самой цѣльной и законченной фигуры служителя самодержавія, надъ гробомъ убитаго Сипягина два этихъ союза стоятъ лицемъ къ лицу, готовые къ дальнѣйшей борьбѣ.

У Сипягина есть продолжатель. Назначенный на его мѣсто фонъ-Плеве уже объявилъ, что „пойдетъ по стопамъ своего предшественника", что „не разговаривать теперь время, а дѣйствовать".

И мы съ нимъ глубоко согласны. „Не разговаривать теперь время, а дѣйствовать", — взывали мы не разъ къ товарищамъ-революціонерамъ, черезчуръ уходящимъ въ страстныя междуфракціонныя распри, когда все призываетъ къ дружной борьбѣ, непосредственной борьбѣ съ общимъ врагомъ.

Г. фонъ-Плеве хочетъ пойти „по стопамъ своего предшественника". Пусть онъ не забываетъ, что это его пожеланіе можетъ

исполниться *до самаго конца!* И если съ продолжателемъ дѣла Сипягина лицемъ къ лицу встрѣтится продолжатель дѣла Балмашева—то въ этомъ повинны будемъ не мы, революціонеры, а тѣ, кто съ свирѣпымъ упорствомъ идутъ путями Сипягиныхъ — а къ чему ведутъ эти пути, мы всѣ видимъ...

Этимъ мы и закончимъ наше краткое надгробное слово Д. С. Сипягину. Онъ пожалъ то, что посѣялъ. А кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожнетъ бурю!

Изъ текущей жизни. *)

De mortuis nil, nisi verum.
(О мертвыхъ ничего, кромѣ истины).

Событія быстро идутъ впередъ, и волна революціоннаго движенія вздымается все выше и выше. Не успѣла разнестись по Россіи вѣсть о двойномъ покушеніи на московскаго полиціймейстера, какъ за ней послѣдовала другая — о смерти Сипягина. Какъ назовутъ актъ, которымъ временщикъ былъ исторгнутъ изъ рядовъ живущихъ? Это несущественно. Несомнѣнно одно, — что смерть постигла Сипягина по заслугамъ. Была-ли это казнь? Онъ заслужилъ ее, осудивъ на медленную смерть десятки тысячъ голодающихъ крестьянъ. Была-ли это месть? Онъ вызвалъ ее, хладнокровно распоряжаясь избіеніемъ сотенъ людей на улицахъ и въ тюрьмахъ. Была-ли это мѣра самообороны? Онъ вынудилъ къ ней, отрѣзавъ у общества всѣ пути мирнаго протеста, переполнивъ тюрьмы тысячами людей, виновныхъ лишь въ томъ, что они не умѣли и не хотѣли молчать передъ гнуснымъ насиліемъ.

Громадное большинство органовъ легальной русской прессы хранитъ угрюмое молчаніе объ обстоятельствахъ смерти Сипягина. Лишь немногія рептиліи, уже продавшія или еще желающія продать себя правительству, на разные лады восхваляютъ убитаго министра и услуги, какія онъ оказалъ Россіи. Намъ нѣтъ нужды перечислять всѣ эти услуги. Напомнимъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе ярко характеризующія ту систему, какой служилъ Сипягинъ, и тѣ средства, какими онъ проводилъ ее въ жизнь.

Онъ занялъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ въ самый разгаръ правительственной реакціи и, ставъ во главѣ ея, съ тупымъ упрямствомъ, съ дерзкой рѣшительностью велъ ее дальше и дальше по роковому пути. Не на немъ, конечно, лежитъ отвѣтственность за всю систему, принятую теперь самодержавнымъ правительствомъ. Для этого онъ былъ слишкомъ ничтоженъ. Но,

*) „Револ. Россія", № 6. Май.

не будучи авторомъ этой системы, онъ съ своей стороны сдѣлалъ все, чтобы довести ее до послѣднихъ ея крайностей и защитить ее самыми крутыми мѣрами. Интересы народа, — самые элементарные, самые насущные интересы,—онъ на каждомъ шагу приносилъ въ жертву выгодамъ кучки алчныхъ хищниковъ — крупныхъ помѣщиковъ и промышленниковъ. При немъ и по данному имъ сигналу достигли своего апогея протесты губернаторовъ по поводу „чрезмѣрныхъ“ ассигновокъ земскихъ собраній на нужды народнаго образованія. При немъ ограничены были — законъ 12 іюня 1900 года,—доходы земствъ съ цѣлью сокращенія ихъ расходовъ на сельскую школу и сельскую медицину, и подготовлялось полное уничтоженіе земства, какъ органа общественнаго самоуправленія. За то дворянству даны были щедрыя ассигновки на устройство въ губерніяхъ особыхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній — дворянскихъ пансіоновъ — пріютовъ. Спеціально въ интересахъ помѣщиковъ—любителей дешеваго крестьянскаго труда—подготовлялись законы объ уголовной отвѣтственности сельскихъ рабочихъ за нарушеніе контрактовъ съ нанимателями. Дворянскій банкъ выдавалъ помѣстнымъ дворянамъ подъ залогъ ихъ имѣній суммы, далеко превышавшія ихъ дѣйствительную стоимость, и законъ 21-го февраля 1900 г. предоставилъ заемщикамъ этого банка новыя серьезныя льготы. Одновременно съ этимъ крестьянскій банкъ, оставивъ совершенно въ сторонѣ свое первоначальное предназначеніе—увеличивать площадь крестьянскаго землевладѣнія -- окончательно обратился въ искусно приспособленный насосъ для накачиванія крестьянскихъ грошей въ дворянскіе карманы путемъ покупки дворянскихъ имѣній и перепродажи ихъ крестьянамъ по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ, не дающимъ крестьянамъ возможности удержать купленныя земли за собою. Въ прошломъ году на расхищеніе дворянамъ была отдана и Сибирь, до сихъ поръ не знавшая у себя помѣстнаго дворянства.

За эти же годы изъ обнищавшей русской деревни путемъ податей и таможенной системы усердно выкачивались послѣднія ея средства, шедшія затѣмъ на поддержаніе и развитіе капиталистической промышленности. Правда, въ ряду дѣятелей этого процесса, одного изъ наиболѣе характерныхъ для соціальной роли современнаго самодержавія, наиболѣе видное мѣсто принадлежало не Сипягину. Его роль сводилась къ „возстановленію порядка“ —когда какая-либо въ конецъ раззоренная деревня протестовала противъ свирѣпаго взысканія податей или истомленные рабочіе какой-нибудь фабрики требовали хоть ничтожнаго улучшенія своей участи. За то въ этихъ случаяхъ „честный слуга государевъ“, — какъ его назвалъ его преемникъ, — не зналъ границъ своему рвенію въ усмиреніи „сопротивленія властямъ“, и не одна сотня крестьянскихъ и рабочихъ семей потеряла, благодаря его дѣятельности, своихъ отцовъ и сыновей, не мало крестьянъ попало въ арестантскія роты и на сибирскую каторгу, а то и погибло подъ пулями и штыками солдатъ.

Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Приходитъ, кажется, конецъ и безпощадно эксплуатируемымъ хозяйственнымъ средствамъ русскаго крестьянства. Все чаще повторяются въ Россіи неуро-

жаи, все грознѣе становятся голодовки. Прежде въ моменты этихъ голодовокъ на помощь крестьянству приходило земство. Сипягинъ еще въ 1900 г. отнялъ продовольственное дѣло у земства и передалъ его министерству внутреннихъ дѣлъ, губернаторамъ и земскимъ начальникамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рекомендовалъ назначать въ селахъ продовольственныхъ попечителей изъ помѣстныхъ дворянъ. „До отмѣны крѣпостного права — пояснялъ онъ—забота о продовольствіи крестьянъ лежала всецѣло на помѣщикахъ“ и впредь тоже „должна существовать нравственная связь между помѣщичьей усадьбой и крестьянскимъ дворомъ“ (изъ циркуляра губернаторамъ 1-го янв. 1901 г.). Народная бѣда послужила такимъ образомъ канвою для фантастическихъ узоровъ крѣпостническихъ мечтаній. Цѣна этихъ узоровъ сказалась скоро. Минувшимъ лѣтомъ разразился грандіозный, почти небывалый неурожай, охватившій треть Россіи. Сипягинъ запретилъ газетамъ и журналамъ подъ страхомъ каръ писать о положеніи голодающихъ крестьянъ *), отрѣзалъ путь въ голодныя губерніи частной благотворительности и оставилъ право помощи голодающимъ исключительно за правительствомъ. Что же сдѣлало руководимое имъ правительство? По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета, неурожай охватилъ 33 губерніи и области, съ населеніемъ въ 54 мил. человѣкъ. По сообщенію земскаго отдѣла министерства внутр. дѣлъ райономъ правительственной помощи явилось 19 губерній и областей съ населеніемъ въ 40 мил. челов. До 15 февраля въ этомъ районѣ было затрачено 26 мил. руб. Иначе говоря, за полгода на каждаго человѣка было истрачено 65 коп., за мѣсяцъ—гривенникъ. Но сколько этихъ гривенниковъ было еще украдено по дорогѣ? Тифъ и цынга уже нѣсколько мѣсяцевъ свирѣпствуютъ въ голодныхъ губерніяхъ. Каждая почта приноситъ извѣстія о сотняхъ и тысячахъ заболѣваній, о десяткахъ и сотняхъ смертей измученныхъ голодомъ людей, которыхъ Сипягинъ озаботился окружить карантиномъ, не пропускающимъ къ нимъ никакой помощи. И въ то время, какъ голодающему крестьянину государство удѣляетъ на пропитаніе его самого и поддержаніе его хозяйства гривенникъ въ мѣсяцъ, —на постройку желѣзныхъ дорогъ въ текущемъ году ассигнуется 790 мил. руб.

Но какъ ни велики жертвы, приносимыя на алтарь капиталистической промышленности, а этотъ заботливо лелѣемый правительствомъ цвѣтокъ въ послѣдніе годы потерялъ немало лепестковъ. На почвѣ истощенія русской деревни развивается промышленный кризисъ, который всего больнѣе даетъ себя знать рабочимъ, десятками тысячъ выбрасывая ихъ на улицу. Министерство внутр. дѣлъ позаботилось придти на помощь безработнымъ — оно принялось насильственно высылать ихъ на родину. Въ прошломъ году десятки тысячъ рабочихъ были высланы такимъ образомъ изъ Екатеринославской губ., въ нынѣшнемъ — тысячи безработныхъ подверглись высылкѣ изъ Баку и Астрахани.

Голодное существованіе вьючнаго животнаго, оканчиваемое голодною смертью, — такова судьба трудящихся классовъ въ той

*) См. въ № 3 „Револ. Россіи“ замѣтку „Изъ области лжи“.

системѣ, представителемъ и слугою которой былъ Сипягинъ. Но и господствующіе классы могутъ приносить свою благодарность этой системѣ лишь съ большими оговорками. Правда, она широко удовлетворяла ихъ имущественные интересы за счетъ трудящихся массъ. Положимъ, это удовлетвореніе носитъ чисто хищническій характеръ и грозитъ странѣ серьезными бѣдствіями въ недалекомъ будущемъ, но рыцари накопленія не часто обращаютъ вниманіе на это. Важнѣе другая сторона дѣла. Обезпечивая матеріальные интересы помѣщика и промышленника, эта система ни въ томъ, ни въ другомъ не хочетъ видѣть человѣка и гражданина. Они могутъ безпрепятственно пользоваться выгодами своего положенія, лишь безропотно мирясь съ хищническими инстинктами чиновничества и, прежде всего, полиціи. Хищенія полиціи достигли грандіозныхъ размѣровъ. Блестящій примѣръ такихъ хищеній подалъ самъ Сипягинъ, ухитрившійся затратить на перестройку министерскаго дома такую сумму, что даже невинный самодержецъ усомнился въ правильности дѣйствій своего „честнаго слуги“. Наряду съ беззастѣнчивостью хищеній, въ жизни страны воцарился самый крайній произволъ бюрократіи и, въ частности, опять-таки полиціи. Разнузданная до послѣдней степени, полиція уже не трудится прикрывать своихъ дѣйствій даже тѣнью законности и держитъ обывателя—не исключая и обывателя привилегированнаго—подъ тяжелымъ гнетомъ своей безконтрольной власти. Представители господствующихъ классовъ и интеллигентныхъ профессій, даже входящіе въ ряды бюрократіи, не могутъ имѣть ни своей совѣсти, ни своего мнѣнія. Орловскому предводителю дворянства Стаховичу Сипягинъ самовольно объявилъ выговоръ за его рѣчь о свободѣ совѣсти, и хотя послѣ письма Стаховича къ царю этотъ выговоръ былъ взятъ назадъ, но узурпація министромъ царскихъ правъ не вызвала никакого протеста со стороны самодержца. Въ началѣ нынѣшняго года 7 предводителей дворянства печатно выразили свое презрѣніе къ князю Мещерскому — этому клоуну и вмѣстѣ оракулу русской реакціи.

Немедленно вслѣдъ за тѣмъ, по докладу Сипягина, Мещерскому была высочайше назначена за оказанныя имъ услуги субсидія въ размѣрѣ 24.000 руб. въ годъ. Академія Наукъ выбрала въ почетные академики Максима Горькаго. По докладу того же Сипягина, царь приказалъ Академіи объявить выборы неправильными, подъ тѣмъ предлогомъ, что Горькій состоитъ подъ дознаніемъ по обвиненію въ политическомъ преступленіи. Уставъ Академіи не знаетъ такого случая; никакой законъ не лишаетъ человѣка, о которомъ производится дознаніе (не слѣдствіе), права участія въ общественныхъ учрежденіяхъ, но высшее научное учрежденіе имперіи не рѣшилось на протестъ и смиренно исполнило все, что отъ него требовали.

Не всѣ однако могутъ быть такъ смиренны. Система, основанная на безграничномъ произволѣ, на полномъ отрицаніи всякаго закона и всякаго права, рано или поздно должна была увидѣть въ рядахъ своихъ враговъ не только сознательныхъ борцовъ за трудящіеся классы, но и всѣхъ, въ комъ не умерло окончательно чувство человѣческаго достоинства, не погасла человѣче-

ская совѣсть. Протестъ противъ этой системы никогда не прекращался совершенно. Съ конца 90-хъ годовъ такой протестъ среди учащейся молодежи, являющейся у насъ авангардомъ общественныхъ силъ, сталъ постояннымъ. Сипягинъ взялся подавить его во что бы то ни стало. Совмѣстно съ Боголѣповымъ онъ принялся за дѣло усмиренія студентовъ ссылкой, высылками, солдатчиной. Выстрѣлъ Карповича былъ роковымъ предостереженіемъ. Правительство не вняло этому предостереженію, и Сипягинъ, послѣ краткой заминки, съ еще большей энергіей сталъ продолжать свою усмирительную дѣятельность. На легальный протестъ онъ отвѣчалъ высылками и тюрьмами, на демонстраціи — нагайками казаковъ и саблями жандармовъ. Тюрьмы переполнились, полъ Россіи было поставлено на осадное положеніе, отъ обывателей требовали шпіонскихъ услугъ.

Вызовъ принятъ—и свирѣпый опричникъ палъ жертвою своей ревности. Кто пожалѣетъ его? Во всякомъ случаѣ не тѣ, кому знакомъ голосъ чести, кто повинуется велѣніямъ совѣсти.

Программа, ревностнымъ слугой которой былъ Сипягинъ, успѣла принести цѣнные плоды. Все чаще становятся въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ сферахъ вспышки протеста противъ правительственной политики, все рѣшительнѣе переходитъ этотъ протестъ на революціонную почву. Недавно въ Батумѣ полиція арестовала нѣсколькихъ рабочихъ, считая ихъ руководителями стачки на заводѣ Ротшильда. 300 рабочихъ потребовали освобожденія товарищей и были въ свою очередь арестованы. На слѣдующій день рабочіе попытались уже силой освободить всѣхъ арестованныхъ и не отступили передъ столкновеніемъ съ войсками. Въ Воронежской губерніи среди крестьянъ все сильнѣе разгараются аграрныя волненія. Въ Полтавской губ. вспыхнулъ открытый крестьянскій бунтъ. Въ Финляндіи первыя попытки примѣненія новаго закона о воинской повинности, изданнаго безъ согласія сейма, вызвали серьезное волненіе. Правительство не хочетъ уступить. Оно пулями и штыками отвѣтило на требованія батумскихъ рабочихъ, выслало солдатъ противъ волнующихся крестьянъ, вывело войска на улицы финляндскихъ городовъ. Изъ правительственнаго арсенала вытаскиваются старыя, заржавленныя, покрытыя кровью пушки. На мѣсто министра внутр. дѣлъ назначенъ, по выраженію одной либеральной газеты, „одинъ изъ самыхъ выдающихся нынѣшнихъ государственныхъ дѣятелей“— Плеве, на совѣсти котораго есть много казней и ни одного государственнаго дѣла. Онъ поспѣшилъ оправдать рекомендацію наивныхъ либераловъ, назначивъ военный судъ по дѣлу объ убійствѣ Сипягина. Къ политической реакціи правительство торопится присоединить культурную. Царь отказалъ въ своемъ утвержденіи выработанному Ванновскимъ проекту реформы средней школы, и самъ Ванновскій, оказавшійся „слишкомъ либеральнымъ“, уволенъ. Карты вскрыты, сомнѣніямъ нѣтъ больше мѣста. Правительство хочетъ кровью залить всякій протестъ, жестокими репрессіями возстановить въ Россіи тишину и спокойствіе могилы. Но уже не весь народъ мирится съ голодомъ и рабствомъ, не все общество готово сносить позоръ безправія и униженія. Борьба началась, и изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ выступаютъ то по одиночкѣ,

то цѣлыми отрядами, дѣятели смѣлаго протеста, отважные борцы за народныя права. На насъ, сознательныхъ революціонерахъ, лежитъ великая задача — собрать отдѣльные ручьи протеста въ одинъ могучій революціонный потокъ, стать въ первыхъ рядахъ народнаго движенія и явиться твердыми выполнителями народной воли.

Исторія повторяется...

Пропавшая совѣсть нашлась, русское дитя, въ сердце котораго схоронилъ ее добрый человѣкъ, выросло... Выросло цѣлое поколѣніе, зачатое въ эпоху борьбы, и смѣло ринулось въ бой за волю и счастье народа. Дѣти заняли позиціи отцовъ.

Въ одной газетѣ было какъ-то указано, что дочь Бибергаля, отправленнаго на каторгу за Казанскую демонстрацію 1876 года, спустя 25 лѣтъ — 4-го марта 1901 г. — была арестована на той же Казанской площади, какъ участница такой же демонстраціи. Сынъ Трепова, выстрѣлъ въ котораго Вѣры Засуличъ ознаменовалъ собою новый фазисъ развитія движенія 70-хъ годовъ, спустя 25 лѣтъ, въ роли того же, какъ и отецъ, начальника столичной полиціи, явился однимъ изъ первыхъ объектовъ, на которыхъ революція засвидѣтельствовала о назрѣвшей въ ней готовности перейти къ крайнимъ мѣрамъ. Какъ и тогда, нервная женская организація одною изъ первыхъ обнаружила полноту революціоннаго чувства. Не прошло и мѣсяца, какъ уже палъ новый Мезенцевъ.

Три мѣсяца тому назадъ, говоря о преступной политикѣ Сипягина, о томъ, что онъ обрекъ на голодную смерть тысячи ни въ чемъ неповинныхъ людей, грудныхъ младенцевъ и безпомощныхъ женщинъ, мы писали: „не нужно дознанія, чтобы установить фактъ этого преступленія; не нужно слѣдствія, чтобы открыть его виновниковъ; не нужно прокурора, который формулировалъ бы обвиненіе; нужны лишь судьи, которые изрекли бы приговоръ, нужны лишь мстители“...

Приговоръ уже былъ написанъ въ сердцахъ мыслящихъ людей. Мститель явился. И вотъ опять—

Какъ ударъ громовой, всенародная казнь
Надъ безумнымъ злодѣемъ свершилась...

Степанъ Валеріановичъ Балмашевъ своею героическою личностью воскрешаетъ въ нашемъ сознаніи „великія страдальческія тѣни“ наиболѣе славныхъ дѣятелей Народной Воли: это настоящій революціонеръ, въ которомъ преданность долгу не останавливается передъ мученичествомъ, смѣлость удесятеряется выдержкой; одинъ изъ тѣхъ беззавѣтныхъ борцовъ за народъ, какихъ мы знали въ прошломъ.

Исторія повторяется.... Когда она начинаетъ вскрывать обагренныя кровью страницы, мы готовы взмолиться: да минуетъ насъ чаша сія. Но будетъ — и пусть будетъ — не такъ какъ мы хотимъ, а какъ хочетъ исторія. Мы вѣримъ и знаемъ, что она перестанетъ повторяться и уже скоро-скоро откроетъ передъ нами новую книгу, которая будетъ начертана народной волей, и въ которой кровавыя страницы будутъ встрѣчаться все рѣже и рѣже.

Голоса иностранной печати.

Наше офиціозное телеграфное агентство не замедлило извѣстить русскую публику о „живѣйшемъ негодованіи“ иностранной прессы по поводу казни Сипягина, и въ доказательство привело отзывъ органа Мелина, котораго даже умѣренные республиканцы перестали считать своимъ.

Мы считаемъ поэтому не лишнимъ познакомить читателей съ дѣйствительными отзывами, какъ соціалистическихъ, такъ и очень умѣренныхъ буржуазныхъ газетъ.

Vorwaerts: „Русскій полицейскій режимъ стоитъ новой жертвы; на этотъ разъ, кажется, выстрѣлъ революціи настигъ главнаго виновника скандальнаго полицейскаго хозяйничанья, полицейскаго министра Сипягина.

„Трагическая судьба: въ то самое время, какъ русская правительственная пресса, по указанію Сипягина, не уставала за послѣдніе дни увѣрять, что русскіе безпорядки вовсе не такъ серьезны, что иностранная пресса распространяетъ преувеличенные слухи, — карающая пуля настигла выдающагося представителя правительства кнута: то былъ самый разительный отвѣтъ революціи на лживыя опроверженія правительства.

„Сипягинъ до того, какъ сдѣлался полицейскимъ министромъ, былъ егермейстеромъ. Перемѣнивъ роль дѣятельности, онъ показалъ, что и людей онъ могъ преслѣдовать со страстью охотника. Понятно, что ненависть людей, которыхъ онъ преслѣдовалъ за ихъ политическую дѣятельность съ жестокостью, не знавшей границъ, сосредоточилась прежде всего на его личности. Его постигла та же судьба, что и многихъ палачей, порабощенной и измученной Россіи.

„Будетъ ли этотъ актъ имѣть политическія послѣдствія? Русскій абсолютизмъ до сихъ поръ проявилъ необыкновенное упрямство. Теперешній царь объявилъ въ 1895 году, черезъ годъ послѣ воцаренія, надежды на конституцію — „безсмысленными мечтаніями“. Въ рукахъ царя теперь — опредѣлить *въ какихъ формахъ* будетъ вестись дальнѣйшая политическая борьба“.

Когда въ отвѣтъ на эту статью консервативная газета обвиняла Vorwaerts въ подстрекательствѣ къ политическому убійству, нашъ братскій соціалистическій органъ заявилъ, что всѣ, преклоняющіеся передъ геройствомъ античныхъ убійствъ тирановъ, должны высоко оцѣнить геройство и самоотверженность того, кто не побоялся отдать свою жизнь, чтобы наказать Сипягина.

Демократическая Frankfurter Zeitung: „Послѣ Боголѣпова — Сипягинъ! Кажется, современные русскіе революціонеры умѣютъ приводить въ исполненіе свои замыслы съ тою же увѣренностью, какъ и террористы двадцать лѣтъ назадъ... Уже нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, носились слухи о предстоящемъ проявленіи дѣятельности русскихъ революціонеровъ, при чемъ полагали, что они не ограничатся обычными демонстраціями на улицахъ боль-

шихъ городовъ. Что они остановились на личности министра вн. дѣлъ, объясняется первенствующей ролью, которую онъ игралъ въ преслѣдованіи прессы и подавленіи уличныхъ демонстрацій. Въ общемъ же, на это покушеніе, какъ и на акты террора двадцать лѣтъ назадъ, надо смотрѣть не столько, какъ на проявленія мести, сколько—протеста противъ всей правительственной системы... *Одну* разницу межъ теперешнимъ и прежнимъ революціоннымъ движеніемъ надо отмѣтить: оно уже не ограничивается сравнительно небольшимъ кругомъ интеллигенціи, но захватило и промышленную рабочую массу. Даже если бы между тѣми, кто произвели террористическіе акты, и руководителями рабочаго движенія, не оказалось такихъ связей, то все же не слѣдуетъ забывать, что цѣль всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ — одна, именно — уничтоженіе самодержавнаго правительства... До сихъ поръ русское правительство на терроръ отвѣчало только насиліемъ, но ясно, что такимъ путемъ ничего достигнуто быть не можетъ. Если современные революціонеры такіе же рѣшительные люди, какъ террористы двадцать три года назадъ,—то надо быть готовымъ къ дальнѣйшимъ нападеніямъ на правительство"...

Die Welt am Montag, газета національн. демократич. направленія: „Въ Германіи ни одинъ разумный человѣкъ не сталъ бы рекомендовать или оправдывать терроръ какъ орудіе борьбы за свободу народа. У насъ друзья свободы имѣютъ въ своемъ распоряженіи легальныя орудія борьбы, которыми можно наносить годаздо болѣе чувствительные удары и можно добиться гораздо болѣе важныхъ результатовъ, чѣмъ физическими орудіями, къ которымъ прибѣгаютъ русскіе борцы за свободу.

„Но было время и оно не такъ ужъ далеко отъ насъ ушло, когда и въ Германіи политическія убійства отнюдь не осуждались народною совѣстью. Еще на дняхъ воздвигли памятникъ студенческому движенію въ Германіи и невольно вспоминаешь, какъ одушевленная идеалами свободы и справедливости нѣмецкая студенческая молодежь въ борьбѣ съ реакціей принуждена была прибѣгнуть къ оружію. 23 мая 1819 г. студентъ теологіи Карлъ Зандъ убилъ русскаго шпіона Коцебу и черезъ годъ былъ казненъ. И нѣмецкій народъ чтилъ въ немъ кроваваго предтечу свободы, своего благороднѣйшаго сына. Къ тому же поколѣнію, какъ и Зандъ, принадлежали братья Карлъ и Августъ Фоллены, основавшіе среди студенчества тайные союзы и пропагандировавшіе политическія убійства.

„Политическія убійства представляютъ неизбѣжныя явленія въ странѣ, гдѣ жестоко подавляется всякое стремленіе къ улучшенію своего политическаго и соціальнаго положенія. И при этихъ условіяхъ современные террористическіе акты въ Россіи столь же извинительны и понятны, какъ и поступокъ Карла Занда.

„Почва, на которой выростаетъ русскій терроризмъ, удобрена правительственной реакціей и царствующій въ Россіи режимъ кнута есть лучшая школа развитія политическихъ убійствъ."

Буржуазная Berliner Tageblatt: „Времена Александра II вернулись для Россіи. Во всѣхъ провинціяхъ царскаго государства идетъ броженіе, одна за другой приходятъ вѣсти о возстаніяхъ,

демонстраціяхъ, покушеніяхъ противъ выдающихся представителей системы.

„Не прошло еще 48 часовъ послѣ того, какъ официальный механизмъ для опроверженій старался насъ увѣрить въ ложности сообщаемыхъ свѣдѣній... И вдругъ Россія должна была увидѣть, какъ въ главной резиденціи Николая II убитъ министръ Сипягинъ!... Но это удивительное убійство только *симптомъ*. Самъ по себѣ онъ значитъ мало, но онъ показываетъ, до какого озлобленія дошли умы въ Россіи, и какъ неправы правящія сферы Петербурга, слишкомъ низко оцѣнивая охватившее всю страну волненіе.

„То, что теперь происходитъ въ Россіи,—очень сложное явленіе. Это движеніе не однихъ лишь студентовъ, которыхъ лишаютъ возможности учиться и будущность которыхъ губятъ мѣры правительства; не однихъ лишь рабочихъ, которые хотятъ улучшить свое экономическое положеніе и грозно возстаютъ противъ современнаго порядка. Это—движеніе, охватившее самые различные классы и исполняющееся подъ девизомъ „свободы и хлѣба“ изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ... Самые лояльные слои населенія находятъ невыносимымъ духовное ярмо, наложенное на страну упрямымъ Побѣдоносцевымъ, мѣропріятія котораго противъ такихъ людей, какъ Левъ Толстой и Максимъ Горькій, заставляютъ краснѣть самыхъ политически умѣренныхъ людей. Духовной свободы — требуютъ одни, насущнаго хлѣба — другіе, существованіе которыхъ становится слишкомъ труднымъ отъ плохого хозяйничанія... Поступокъ убійцы Сипягина является для петербургскихъ властителей грознымъ предостереженіемъ. Они слишкомъ натянули лукъ,—и давно пора, если хотятъ при господствующемъ теперь озлобленіи избѣжать бо̀льшихъ несчастій, надлежащимъ образомъ оцѣнить народное настроеніе и недовольство... Это — первое предостереженіе со стороны подавленныхъ угнетателями. Еще не поздно измѣнить ходъ дѣлъ. Если бы царь Николай сумѣлъ освободиться отъ путъ, которыми его окружили Побѣдоносцевъ съ товарищами, онъ... могъ бы явиться спасителемъ своего царства“.

Архибуржуазная Vossische Zeitung: „На одной сторонѣ—упрямое стремленіе сохранить старые глубоко-вкоренившіеся пороки, разсматриваемые какъ національныя особенности; на другой — горячее желаніе поднять свою родину на высоту культурнаго государства... Въ рукахъ государя лежитъ теперь разрѣшеніе. Актомъ примиренія онъ можетъ остановить потокъ. Слишкомъ невѣроятно, чтобы удалось задавить живое движеніе старымъ насильственнымъ средствомъ“.

Библіотека
Института В. И. Ленина